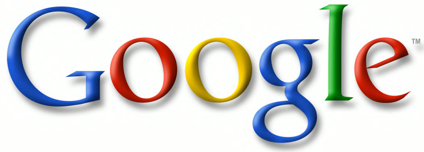

Н. Барсуковъ.

АЛЬБОМЪ

АВТОГРАФОВЪ

Н. Д. ИВАНЧИНА-ПИСАРЕВА.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1906.

Н. Барсуковъ.

АЛЬБОМЪ

АВТОГРАФОВЪ

Н. Д. ИВАНЧИНА-ПИСАРЕВА.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1905.

Отдѣльный оттискъ изъ X-й книги сборника „Старина и Новизна“.

АЛЬБОМЪ

АВТОГРАФОВЪ Н. Д. ИВАНЧИНА-ПИСАРЕВА.

Въ Остафьевскомъ Архивѣ хранится златообрѣзный Альбомъ, переплетенный въ красный сафьянъ съ золотыми узорами по краямъ и на спинкѣ, и украшенный мозаикою Барбери, подъ которою вытиснено золотыми буквами:

Musae et gloria vetant mori т. е. музы и слава не позволяютъ умереть.

Альбомъ сей принадлежалъ Николаю Дмитріевичу Иванчину-Писареву.

Графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ, желая познакомить съ этимъ памятникомъ былаго быта читателей Старины и Новизны, предложилъ мнѣ заняться его подробнымъ описаніемъ.

Съ удовольствіемъ принявъ это предложеніе, я вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ напомнить о бывшемъ владѣльцѣ Альбома, посвятившемъ жизнь свою „къ возбужденію въ соотечественникахъ чувствъ благочестія, любви къ Отечеству, Престолу и добродѣтели“.

Для исторіи Русскаго просвѣщенія, и соединенной съ нимъ Русской цивилизаціи, очень важна исторія запустѣлыхъ нынѣ дворянскихъ усадебъ, которыя разбросанныя по лицу Русскаго Царства были нѣкогда центрами просвѣщенія и христіанской благотворительности. Справедливо сказалъ Князь Вяземскій, обращаясь къ новѣйшимъ эмансипаторамъ и реформаторамъ:

Вамъ, чуждымъ лѣтописи древней,
Вамъ въ умъ забрать не мудрено,
Что съ той поры и свѣтъ въ деревнѣ,
Какъ стали вы смотрѣть въ окно.

Нѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ,
А въ окна многіе смотрѣли,
Которые позорче васъ.

Наталія Петровна Гротъ (рожденная Семенова) въ своей Семейной Хроникѣ писала: „Озлобленные нападки литературы 60-хъ и 70-хъ годовъ на прежнее общество укоренили въ наше время понятіе о какой-то дикости и свирѣпости нашего крѣпостного помѣщичьего быта. Родившись и проведя годы перваго дѣтства въ деревнѣ и опять воротившись въ этотъ помѣщичій бытъ въ молодости, я вынесла изъ него много такихъ впечатлѣній, которыя доказываютъ, что въ этомъ быту встрѣчалось не одно дурное.... Не могу не вспомнить безъ чувства глубокаго умиленія тѣ патріархальныя и истинно христіанскія семейныя начала, которыми отличались нравы нашего дома. Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что такое явленіе могло быть исключительнымъ; я же убѣждена, что въ Россіи не мало бы нашлось такихъ семействъ, которыхъ дѣти могли вынести изъ своихъ первыхъ лѣтъ не менѣе отрадныя воспоминанія. Въ то время дворянинъ-помѣщикъ, отслужившій свои десять-пятнадцать лѣтъ преимущественно въ военной, а иногда и въ гражданской службѣ, считалъ долгомъ возвратиться въ свою отчину и поселиться въ ней, создавъ себѣ добрую семейную жизнь. При этомъ весьма многіе, заботясь о своихъ личныхъ дѣлахъ, начинали понимать необходимость заботиться и о дѣлахъ своей мѣстности, о крестьянахъ, которыхъ положеніе уже и тогда многимъ казалось ненормальнымъ. Помню, какъ еще бабушка моя часто твердила намъ, дѣтямъ, что со слугами надо обращаться учтиво и ласково, потому что они равные намъ, братья во Христѣ, а по настоящему даже грѣхъ человѣку владѣть человѣкомъ....

По этому мнѣ въ эпоху нашего яраго отрицательнаго періода всегда было больно слышать безусловное порицаніе, съ которымъ относились къ прошлому многіе изъ тогдашнихъ дѣятелей, ничего о Россіи не знавшихъ за предѣлами Петербурга. Когда я вспоминаю, съ какимъ озлобленіемъ вся наша беллетристика трактовала о привычкѣ помѣщиковъ имѣть въ домѣ приживалокъ, мнѣ всегда досадно это непониманіе дѣла. Вѣдь эти приживалки, чаще всего обѣднѣвшіе мелкопомѣстные дворянки, были въ сущности настоящими сестрами

милосердія въ тѣхъ домахъ, гдѣ имъ покровительствовали.... Преувеличивать злоупотребленія помѣщичьей власти, чтобы сломить ее, вообще было совершенно безполезно. Власть эта отжила свой вѣкъ и падала сама собою. Но гораздо важнѣе было, упраздняя ее, создать такое положеніе, которое дѣлало бы возможною жизнь помѣщиковъ на мѣстахъ.... Тогда не разорвалась бы окончательно связь образованныхъ классовъ съ темными массами народа, не потерялась бы преемственность жизни и преданій, и просвѣщеніе массъ шло бы впередъ постепенно само собою. Большой ошибкой было стремленіе отстранить эту историческую силу отъ мѣстной жизни. А этимъ то главнымъ образомъ и задавались новые порядки.... Пора же намъ, наконецъ, посмотрѣть въ глаза правдѣ и сознаться, что стремленіе къ обновленію нашего общественнаго порядка было потребностью самой жизни. Оно истекало изъ глубокихъ народныхъ источниковъ и болѣе всего изъ самаго животворящаго источника народной жизни, изъ присущаго Русскимъ людямъ глубокаго христіанскаго сознанія, а вовсе не изъ либеральныхъ кружковъ Петербургскаго чиновничества и газетнаго писательства. Это христіанское сознаніе—общественное и народное—вотъ что мало по малу смягчало отношенія крѣпостнаго права и подготовило его упраздненіе безъ всякихъ внутреннихъ потрясеній. Но эту религію наши отцы умѣли хранить, она еще не была затронута пагубнымъ вольнодумствомъ. За то она поддерживала семейныя связи и отцовскія преданія, она не допускала дѣтей даже въ зрѣломъ возрастѣ не только съ ранняго дѣтства, являться ярыми критиками своего семейнаго быта и всего существующаго порядка.... Литература, публицистика и педагогія 60-хъ и 70-хъ годовъ понесутъ предъ безпристрастной исторіей страшную отвѣтственность за растлѣніе Русскаго юношества, за ослабленіе въ обществѣ вѣры, семейныхъ узъ и семейныхъ привязанностей". (Изъ Семейной Хроники. Спб. 1900 г., стр. 22—27).

Къ числу такихъ центровъ просвѣщенія принадлежало и село Рудѝны Серпуховскаго уѣзда Московской губерніи, гдѣ провелъ свою жизнь Николай Дмитріевичъ Иванчинъ-Писаревъ.

Въ числѣ имѣній, розданныхъ монастырямъ бояриномъ Ѳедоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ, было и Коломенское (нынѣ Серпуховское) село Рудѝно. Бояринъ Шереметевъ отдалъ его по душѣ

своей и по родителѣхъ Волоколамскому Іосифову монастырю; а царь Ѳеодоръ Іоанновичъ вымѣнялъ его у монастыря на Козельское село Вейну. Въ 1624 году село Рудйпо пожаловано было царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ прапращуру Н. Д. Иванчина-Писарева по матери, Аѳанасію Филипповичу Пашкову, за Московское сидѣніе, и это село было первымъ даромъ царей роду Пашковыхъ (Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1843 г., стр. 108—110).

Семейные акты своего рода (1671—1718 г.) Иванчинъ-Писаревъ напечаталъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (1847 г. Кн. IX, 1—19).

Сынъ достаточнаго и родовитаго дворянина, помѣщика Московской, Калужской и Тульской губерній, отставнаго гвардіи подпоручика Дмитрія Петровича Иванчина-Писарева и Александры Яковлевны, рожденной Пашковой, сынъ ихъ Николай родился въ Москвѣ 30 Сентября 1790 года. Дѣтство его прошло въ патріархальной, строгой семьѣ, въ мирной деревенской обстановкѣ. Иванчины-Писаревы проживали въ имѣніи, доставшемся Александрѣ Яковлевнѣ въ приданое отъ отца ея Якова Михайловича Пашкова,—селѣ Рудйпахъ Серпуховскаго уѣзда Московской губерніи. Здѣсь-то выросъ нашъ писатель и здѣсь получилъ онъ свое образованіе. Сидя дома онъ изучилъ языки Французскій, Нѣмецкій и Итальянскій. (Модзалевскій. Письма Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву. Спб. 1902 г., стр. 2). Любимыми его писателями были: Карамзинъ, Дмитріевъ и Жуковскій; а изъ Германскихъ: Клейстъ, Галлеръ и Гердеръ, и ради ихъ онъ съ раннихъ лѣтъ полюбилъ Германію, и сохранилъ эту любовь въ продолженіе своей жизни; а потому, по поводу одного выраженія Погодина, Иванчинъ-Писаревъ писалъ ему: „Вы сказали: выбраться изъ Нѣмецкой тьмы и дичи, не лучше ли сказать: изъ заморской тьмы и дичи. На что сердить добрыхъ Германцевъ, которые гораздо менѣе сдѣлали намъ вреда, нежели ихъ сосѣди Французы“. (Жизнь и Труды М. П. Погодина Спб. 1892 г. VI, 306).

Окончивъ свое домашнее образованіе, Иванчинъ-Писаревъ началъ службу, вступивъ 2-го Марта 1804 года въ Московскую контору запасныхъ магазейновъ губернскимъ регистраторомъ; но вскорѣ перешелъ на службу въ Московскій Почтамтъ, гдѣ и продолжалъ

свою службу сперва подъ пачальствомъ Ѳ. П. Ключарева, а послѣ его ареста—при Д. П. Руничѣ и И. А. Рушковскомъ (Модзалевскій, стр. 2). Въ письмѣ къ Погодину, Иванчинъ-Писаревъ писалъ: „Служилъ пять лѣтъ цензоромъ Почтамта подъ ферулою перваго въ свѣтѣ труса Рушковскаго" (Погодинъ, VI, 51).

12 Мая 1814 года, Иванчинъ-Писаревъ вышелъ въ отставку и поселился въ своей древней отчинѣ—селѣ Рудйнахъ, гдѣ проводилъ жизнь не праздную.

Подъ вліяніемъ Карамзина Иванчинъ-Писаревъ рано сталъ интересоваться нашей стариной,—и труды его въ этой области пріобрѣли ему право на память въ потомствѣ. Одна за другой послѣдовали работы его: Михаилъ великій князь Черниговскій и бояринъ его Ѳеодоръ, Вечеръ въ Симоновѣ, Депь въ Троицкой Лаврѣ, Утро въ Новоспасскомъ, Спасо-Андрониковъ и Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду.

По мнѣнію В. И. Саитова, въ историческихъ трудахъ своихъ Иванчинъ-Писаревъ „является не ученымъ, а деллитантомъ, при чемъ изложеніе его нерѣдко страдаетъ излишнею сантиментальностью и риторическою напыщенностію" (Русскій Біографическій Словарь. Изд. А. А. Половцова. Спб. 1897 г., стр. 34—37).

Погодинъ же писалъ: „Иванчинъ-Писаревъ посвящаетъ перо свое прославленію предковъ, къ возбужденію въ современникахъ чувствъ благочестія, любви къ отечеству, престолу добродѣтели. Труды его достойны общей признательности. Самая риторика, къ которой онъ часто прибѣгаетъ, имѣетъ для меня въ этомъ смыслѣ свою цѣну. Простота, великое достоинство литературное, было бы здѣсь не у мѣста". (Погодинъ, VI, 114).

Касательно же риторики самъ Иванчинъ-Писаревъ поставилъ на видъ Погодину: „Вы замѣчаете, что я исполненъ набожности и патріотизма. И такъ, что такое набожность?—Чувство. Что такое патріотизмъ?—Чувство. Чѣмъ выражается чувство?—Риторикой. Отъ Псалмовъ, книги Бытія и Иліады до нашихъ брошюрокъ чувство не переставало выражаться риторикой. Еслибы я подчивалъ своихъ читателей извѣстіями, въ которомъ году такой-то архимандритъ устроилъ часы на колокольнѣ, а такой-то перепродалъ келліи такой-то обители и выстроилъ сарай для дровъ,—это дѣло другое". (ibid. VI, 116).

Вмѣстѣ съ тѣмъ самъ Иванчинъ-Писаревъ въ письмѣ своемъ къ Снегиреву признавалъ, что онъ свои примѣчанія „предпочитаетъ тексту". (Модзалевскій, стр. 11).

Въ тоже время Иванчинъ-Писаревъ весьма цѣнилъ памятники нашего народнаго творчества. Въ 1837 году, въ Москвѣ, онъ издалъ книжку подъ заглавіемъ: Взглядъ на Старинную Русскую Поэзію и посвятилъ ее „Милой Россіянкѣ". Въ этой книжкѣ Иванчинъ-Писаревъ высказываетъ между прочимъ мысль, что дошедшіе до насъ образцы народной поэзіи по своему глубокому чувству, живости образовъ, силѣ выраженій и красотѣ оборотовъ „не менѣе другихъ достойны комментаторовъ съ отличнымъ дарованіемъ".

Когда въ Москвитянинѣ были напечатаны, сообщенныя П. И. Савваитовымъ Свадебныя причитанія въ Вологдѣ, то Иванчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Свадебныя причитанія: очень, очень важны и любопытны. C'est quelque chose que cette nation là! сказалъ Наполеонъ о Русскихъ". (Погодинъ, VI, 222—223).

Иванчинъ-Писаревъ былъ также знатокомъ и любителемъ художествъ. Тридцать лѣтъ собиралъ онъ рѣдчайшіе эстампы всѣхъ старыхъ и новыхъ школъ отъ начала гравированія, а также картины, миніатюры, рисунки и произведенія скульптуры.

М. А. Дмитріевъ въ своихъ Мелочахъ разсказываетъ, что у И. И. Дмитріева былъ Миллеровъ эстампъ La madonna di Santo Sisto, которымъ онъ дорожилъ по красотѣ экземпляра. Однажды разсматривалъ его извѣстный знатокъ въ этомъ дѣлѣ Иванчинъ-Писаревъ. Вдругъ показалось ему, что это отпечатокъ avant-l'auréole; но не довѣряя своимъ глазамъ, онъ просилъ снять эстампъ со стѣны и вынуть изъ рамки; открылось, что это не только avant la lettre, но дѣйствительно avant l'auréole, т. е. величайшая рѣдкость! Писаревъ встрепенулся отъ радости, найдя такую драгоцѣнность, и оцѣнилъ эстампъ по крайней мѣрѣ въ тысячу рублей ассигнаціями, если не дороже. И. И. Дмитріевъ сказалъ ему: хочешь, Николай Дмитріевичъ, я завѣщаю наслѣдникамъ, чтобы они подарили тебѣ этотъ эстампъ? Изволь; обѣщаю тебѣ! Но И. И. Дмитріевъ чрезвычайно боялся смерти, и не любилъ, чтобы о ней вспоминали. На другой день Иванчинъ-Писаревъ приходитъ къ нему и подаетъ бумагу, прося ее подписать.—„Что это такое?"—Росписка въ вашемъ

обѣщаніи, чтобъ послѣ вашей кончины этотъ эстампъ достался мнѣ.—Дмитріевъ взялъ перо и подписалъ; потомъ сказалъ Писареву: „Я твое желаніе исполнилъ; дай мнѣ слово, что ты мое исполнишь!"—Даю! отвѣчалъ въ радости Писаревъ.—„И такъ, я по твоему желанію подписалъ эту бумагу, а ты по моему желанію оставь ее у меня". (Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869 г., стр. 132—133).

„У меня просилъ Погодинъ" писалъ Иванчинъ-Писаревъ Снегиреву, „краткаго описанія моихъ эстамповъ для Москвитянина. Я принужденъ былъ отказать ему; ибо я не могу говорить въ своей журнальной статьѣ объ эстампахъ иначе, какъ языкомъ фанатика собирателя,—и такъ въ Россіи меня почтутъ сумасшедшимъ". (Модзалевскій, стр. 52).

Прочитавъ отчетъ Погодина о пріобрѣтеніяхъ его Древлехранилища, Иванчинъ-Писаревъ писалъ: „Библіоманская статья о вашихъ пріобрѣтеніяхъ очень интересна. Я самъ фанатикъ по части гравированія отъ начала и до нынѣшнихъ временъ. Эстампы, а еще болѣе достоинство ихъ экземпляровъ для меня до сихъ поръ важны. Совершенно понимаю ваше чувство самодовольствія, при увѣренности, что у васъ собраны теперь почти всѣ книги Славянскаго богослуженія, чего ни у кого, по крайней мѣрѣ изъ партикулярныхъ, нѣтъ". (Погодинъ, IX, 201).

Одновременно съ открытіемъ, сдѣланнымъ П. М. Строевымъ, Тверской Лѣтописи, Иванчинъ-Писаревъ даритъ Погодину изъ своего художественнаго собранія кинжалъ императора Карла V-го. Погодинъ принялъ этотъ даръ съ восторгомъ, и писалъ Шевыреву: „Спѣшу сообщить тебѣ мою археологическую радость: Тверской лѣтописецъ. Это еще ничего, но вотъ Европейская драгоцѣнность: кинжалъ императора Карла V-го съ его именемъ, годомъ и короною, рѣзной отличной работы Среднихъ Вѣковъ". Но Шевыревъ не безъ ироніи отвѣчалъ Погодину: „Поздравляю съ находкою. Тверской лѣтописецъ я считаю болѣе Европейскою находкою, чѣмъ кинжалъ Карла V-го. Извините, г. Западный". (Погодинъ, IX, 201—202).

Иванчинъ-Писаревъ былъ прекрасный сельскій хозяинъ и попечительный помѣщикъ. „Покойный, забытый нынѣ Карамзинъ",

писалъ Иванчинъ-Писаревъ Снегиреву, сказалъ мнѣ: „переписывайте ваши страницы сами; это будетъ въ пользу сочиненія: всегда найдутся поправки. Но Карамзинъ не бѣгалъ по полямъ, не выбиралъ колоски ржи изъ миріады травъ, чтобы намолотить что нибудь для посѣва; а я купивъ на сѣмяна ржи болѣ, чѣмъ на три тысячи рублей, долженъ выбрать и послѣдній колосокъ въ моемъ полѣ; а тутъ сѣвъ, а тутъ уборка овса, а тутъ кормить крестьянъ; а тутъ и проч. И такъ, я не могу слушаться великаго человѣка и самъ переписывать; а мой переписчикъ теперь таскаетъ снопы" (Модзалевскій, стр. 33—34).

Въ одномъ письмѣ своемъ къ Погодину, Иванчинъ-Писаревъ выражаетъ свой взглядъ на оброкъ и барщину. „Знаю только", писалъ онъ, „что нынѣ и легкій оброкъ гибель народу, а умная барщина его благо. У меня каждый крестьянинъ въ свободное время отъ барщины выручаетъ себѣ триста рублей отъ тканья, а при томъ засѣваетъ и убираетъ въ пору и свое поле. И такъ они живутъ припѣваючи, чѣмъ я и хвалюсь во всемъ околоткѣ. Что же я получаю доходу?—Двѣсти пятьдесятъ рублей. Положи я ихъ на оброкъ—ни одинъ не заплатитъ ста рублей, отъ лѣности, нерадѣнія и пьянства, въ которомъ они погрязнуть, какъ и другіе оброчные". (Погодинъ, VIII, 15).

Иванчинъ-Писаревъ умеръ въ своихъ Рудинахъ, 25 Января 1849 года, и погребенъ около церкви. Старинный другъ его Снегиревъ помянулъ его такими словами: „Благочестивый по душѣ, поэтъ и аристократъ, онъ посвящалъ труды свои Отечественной Церкви, описалъ монастыри Симоновъ, Новоспасскій, Андроніевскій и Троицкую Лавру. У него мысль подчинена выраженію, по Карамзинской формѣ. Поѣздка по Коломенскому уѣзду любопытна и важна. Дай Богъ, чтобы подобные дѣятели у насъ не переводились". (Погодинъ, X, 544).

Николай Барсуковъ.

2 февраля 1905 года.
С.-Петербургъ.

АЛЬБОМЪ.

Л. 1. Мои Пенаты.

Л. 2. Стихотвореніе Хозяина Альбома.

Всемощны Августы! Надменны Меценаты!
Друзья питомцевъ Музъ, Овидій васъ узналъ.
Не вы, о сильные! не вы мои Пенаты:
Я лестью жертвъ моихъ еще не утучнялъ:
Богатъ или убогъ, но не склоняя выю,
Съ презрѣньемъ оттолкну Фортуны колесо,
Повергши въ прахъ и Римскаго Витію,
Расина, Мильтона, Торквато и Руссо!
Природѣ и друзьямъ мой жертвенникъ смиренный!
И за крылатую не ссорясь съ судьбой,
Подъ тѣнь родныхъ дубравъ, подъ кровъ уединенный
Лишь строки милыхъ мнѣ я уношу съ собой.

Л. 3. Собственноручный списокъ:

кто и когда писали въ семъ Альбомѣ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ. 1818 года Декабря 23.

Николай Михайловичъ Карамзинъ. 1819 г. Февраля 5.

Василій Андреевичъ Жуковскій. 1819 г. Февраля 9.

Владиміръ Васильевичъ Измайловъ. 1819 Марта 6.

Василій Львовичъ Пушкинъ. 1819 Января 9.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. 1819 Января 14.

Анна Петровна Бунина. 1819 Марта 10.

Княжна Аграфена Ивановна Трубецкая. Музыку для моего романса: Сердце, сердце. 1819 Марта 6.

Дмитрій Потаповичъ Шелеховъ. 1819 Января 27.

Петръ Александровичъ Новиковъ. 1819 Марта 6.

Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ. 1819 Іюля 2.

Александръ Александровичъ Писаревъ. 1820 Январь 6.

Княжна Аграфена Ивановна Трубецкая. Музыку для двухъ моихъ романсовъ: Ты грустишь, и Могу-ль перемѣниться. 1820 Марта 1.

Князь Өедоръ Николаевичъ Голицынъ. 1820.

Өедоръ Өедоровичъ Кокошкинъ. 1821.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ. 1822 Апрѣля 12.

Княгиня Зенаида Александровна Волконская. 1826 Марта 2.

Раичъ. 1828 Декабря 30.

Александра Антоновна Засѣцкая. 1828 Февраля 19.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. 1828 Декабря 30.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій 1829 Января 28.

Мозаикъ дѣлалъ шевалье Барбери. 1826.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. 1831 Іюня 30.

Л. 5. Стихотвореніе Ивана Ивановича Дмитріева.

Кто болѣе другихъ по сердцу говоритъ;
Привѣтливъ, а не подлъ; не гордъ, а сановитъ,
И знаемъ безъ чиновъ, безъ знатности и злата?
Поэтъ: онъ ни за что не будетъ другъ разврата;
Всегда великъ душой, и мыслями высокъ,
Ласкать самимъ царямъ считаетъ за порокъ,
Онъ добродѣтели талантъ свой посвящаетъ,
И въ самыхъ вымыслахъ пріятно поучаетъ;
Стыдится быть врагомъ совмѣстниковъ своихъ,
Талантомъ лишь однимъ смиряетъ дерзость ихъ....

* * *

Увы! и самый даръ Виргилія не сносенъ,
Когда невинности смиренной вредоносенъ,
Злословитъ добраго и вводитъ въ краску дѣвъ;
Пусть грянетъ на меня, не медля, Божій гнѣвъ,
Коль скоро уязвлю перомъ или на лирѣ,
Хоте единожды честнаго мужа въ мірѣ!...

* * *

О естьли бы я могъ, безъ рабства, обольщенья,
Почтеннымъ быть всегда въ почтенномъ ремеслѣ!
Считать весь міръ друзей въ умѣренномъ числѣ;
Для утѣшенья ихъ употреблять всѣ силы,
Читать, что мнѣ нравится; а видѣть, кто мнѣ милы.

И. Дмитріевъ

Л. 6. Автографъ Карамзина: Изъ IX т. Россійской Исторіи, гл. 1.

Аѳанасій сталъ на святительское мѣсто, выслушалъ привѣтственную рѣчь Царя, далъ ему благословеніе, и громогласно молилъ Всевышняго, да ниспошлетъ здравіе и побѣды Іоанну. Онъ уже не смѣлъ, кажется, говорить о добродѣтели!

Н. Карамзинъ.

С. Петербургъ
5 февраля 1819.

Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ замѣтилъ: „Получено мною прежде нежели вышелъ въ свѣтъ IX томъ Истор. Рос. Госуд.“

Князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ родился въ Москвѣ, въ 1764 году, воспитывался въ Московскомъ Университетѣ. По увѣренію Греча, изученіе языка Латинскаго и прилежное чтеніе духовныхъ книгъ раскрыли таившійся въ Долгорукомъ талантъ къ поэзіи, который образованъ былъ, подъ покровительствомъ И. И. Шувалова и М. М. Хераскова, достойными профессорами Московскаго Университета“. (Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы Спб. 1822. IV, 483—484). О Долгоруковѣ И. И. Дмитріевъ говорилъ князю Вяземскому, что „онъ въ молодости былъ рѣзовъ до безумія. Бывало придешь къ нему, онъ скачетъ по стульямъ, по столамъ, уйдешь отъ него не добившись слова благоразумнаго. Любилъ хорошо ѣсть и кормить. Какъ скоро заведутся деньги, то задаетъ обѣды. Странно одѣвался, ходилъ по улицамъ въ одеждѣ полу-полковой и полу-актерской изъ платья игранныхъ имъ ролей“. (Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1884. IX, 62).

Л. 7. Стихотвореніе Кн. Ивана Михайловича Долгорукова.

Въ альбомъ писать стихи—мое ли право дѣло?
Ты требуешь того—я поступаю смѣло.
Но что писать къ тому, кто такъ взростилъ какъ ты
Неувядаемы поэзіи цвѣты,
Кто смѣлъ (твои слова) близъ ангела молиться,
И съ образомъ его отъ свѣта удалиться*).
Хоть два раза почти я старѣе тебя,
Но такъ же горячо и самъ еще любя,
Довѣренности въ знакъ здѣсь молвлю откровенно,
Что пламенной любви въ насъ чувство неизмѣнно;
Оно еще въ раю, какъ самый даръ благой
Дано Творцемъ міровъ съ безсмертной намъ душой.
Пускай смѣется свѣтъ сіи читая строки,
Что старый хрѣнъ какъ я даетъ любви уроки:
Зачѣмъ же нѣтъ? скажу, душа моя жива,
Ко сладостямъ любви она еще нова,
Ее не умертвятъ ни времена, ни годы,
И старецъ во сто лѣтъ въ пріятный мигъ свободы
Способенъ иногда блаженства чашу пить,
Въ хороминѣ простой все небо заключить.
Любовь, котора насъ то нѣжитъ, то тревожитъ,
Которой изъяснить ничей языкъ не можетъ.
Любовь есть нашъ удѣлъ, сокровище души,
Богатство въ нищетѣ—величіе въ глуши;
Отъ прелестей ея какой мудрецъ спасется?
Мы любимъ всякой день доколѣ сердце бьется,
И даже, признаюсь, подъ крышкой гробовой
Мнѣ кажется туда сокроется со мной
Послѣдняя мечта, послѣдній видъ предмета
Который былъ мнѣ здѣсь всего дорожѣ свѣта.
Законъ души моей въ альбомъ вмѣщаю твой:
Кто любитъ тотъ въ раю; кто милъ—тотъ богъ земной.

12 Апрѣля 1822.

---

*) Относится къ однимъ изъ стиховъ Хозяина Альбома.
Иванчинъ-Писаревъ.

Подлинникъ вписанъ въ Альбомъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгоруковымъ по случаю чтенія въ его обществѣ піесы Н. Д. Иванчина-Писарева Отъѣздъ.

Въ 1828 году, свидѣтельствуетъ Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ, „я часто встрѣчался съ Пушкинымъ, и однажды предложилъ ему вписать что нибудь изъ своихъ стиховъ въ мой альбомъ. Онъ при мнѣ же вписалъ извѣстные стихи: Муза. На вопросъ мой: отъ чего эти пришли ему на память прежде всякихъ другихъ?—„Я ихъ люблю", отвѣчалъ Пушкинъ: „они отзываются стихами Батюшкова" (Москвитянинъ 1842. № 3, стр. 147).

Стихотвореніе Муза написано Пушкинымъ 14 февраля 1821 г.

Л. 9. Стихотвореніе Александра Сергѣевича Пушкина.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой; и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустова тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами
И пѣсни нѣжныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной,
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
Онъ душу наполнялъ святымъ очарованьемъ.
30 дек. 1828.
Москва.

Въ 1817 году Жуковскій былъ избранъ учителемъ Русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ.

Въ 1837 году Жуковскій сопровождалъ Государя Наслѣдника въ его путешествіи по Россіи и Сибири. Въ этомъ году Жуковскій дважды посѣтилъ Москву: 24 Іюля—9 Августа и съ конца Октября до средины Декабря. Во время пребыванія Жуковскаго въ Москвѣ, Погодинъ часто съ нимъ видѣлся. Слушалъ его разсказы

объ Арзамасѣ, о смерти Пушкина, объ его молодости. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ ужасно досадовалъ „изъ самолюбія“, что ему не удалось вмѣстѣ съ И. И. Дмитріевымъ и Жуковскимъ побывать въ Англійскомъ клубѣ. Въ то же время онъ убѣждалъ Жуковскаго „приняться за переложеніе Кіево-Печерскаго Патерика“ (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1892. V, 8).

Одновременно съ выходомъ 1-го номера Москвитянина, въ Январѣ 1841 года, Жуковскій посѣтилъ Москву. Покончивъ свои обязанности воспитателя Государя Наслѣдника, онъ переселился на берега Рейна и Майна. До отъѣзда въ чужіе края, онъ посѣтилъ Москву для свиданія съ людьми близкими ему по плоти и духу (ibid. VI, 18—20).

Л. 10. Стихотвореніе Василія Андреевича Жуковскаго.

Блаженъ, о Филонъ, кто Харитамъ
Богинямъ жертвы приноситъ!
Какъ свѣтлые дни легкокрылаго мая, въ блескѣ весеннемъ,
Какъ волны ручья, озарены улыбкой юнаго утра,
Дни его легкимъ полетомъ летятъ!
И полный фіалъ, освященный устами дѣвъ полногрудыхъ,
И лира, въ кругу окрыленныхъ пляской Фавновъ звѣняща,
Да будутъ отъ насъ до нисхода въ предѣлы тайнаго міра
Граціямъ, дѣвамъ стыдливости даръ!
И горе тому, кто Харитамъ противенъ: низкія мысли
Его отъ земли не восходятъ къ Олимпу; Богъ пѣснопѣнья
И нѣжный Эротъ съ нимъ враждуютъ; напрасно лиру онъ строитъ
Жизни въ упорныхъ не будетъ струнахъ.

В. Жуковскій.

1819 г. февраля 9.
С. Петербургъ.

Л. 63—64. Пять писемъ В. А. Жуковскаго къ Н. Д. Иванчину-Писареву.

(1817—1841).

1.

Сердечно благодарю Васъ, любезнѣйшій Николай Димитріевичъ, за доставленіе Вашихъ прекрасныхъ піесъ. Желалъ бы войти въ

нѣкоторыя о нихъ подробности, но въ эту минуту совершенно не имѣю времени. Гораздо будетъ лучше при свиданіи. Я обыкновенно бываю почти всякій день послѣ обѣда въ семь часовъ дома и въ это время свободнѣе. Естьли вамъ удастся найти меня спящимъ, то безъ зазрѣнія совѣсти будите меня. И такъ простите до пріятнаго свиданія. До тѣхъ поръ съ совершеннымъ почтеніемъ остаюсь

Вамъ преданнѣйшимъ слугою

Жуковскій.

Извините, что гиль наворотилъ—спѣшу.

Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ относитъ это письмо къ 1817 году. Осенью 1817 года, Жуковскій жилъ въ Москвѣ, только что начавъ свои занятія съ великою княгинею Александрою Ѳедоровною. (Уткинскій Сборникъ. М. 1904 г. стр. 27).

2.

Успѣю только поблагодарить васъ отъ всего сердца за вашъ любезный подарокъ и за дружеское воспоминаніе. Экземпляръ вашей книги передамъ съ величайшимъ удовольствіемъ Его Высочеству. Жаль очень, что не буду имѣть удовольствія повидаться съ вами лично: сей часъ видѣлъ Петра Дмитріевича. Простите, писать болѣе не могу. Вашъ человѣкъ спѣшитъ; а у меня теперь сидятъ гости*).

Примите увѣреніе въ душевной преданности, съ коею честь имѣю быть

вашимъ

покорнѣйшимъ слугою

Жуковскій.

25 Іюля Москва

1837 г.

На письмѣ Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ отмѣтилъ: „Письмо по случаю посылки отъ меня экземпляровъ книги: Взглядъ на Старинную Русскую Поэзію".

24 Іюля 1837 года, Жуковскій, сопровождая Государя Наслѣдника Александра Николаевича прибылъ въ Москву (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1892 г. V, 1).

---

*) То есть визиты цѣлой Москвы.

Н. Иванчинъ-Писаревъ.

3.

Милостивый Государь
Николай Дмитріевичъ.

Душевно благодарю васъ за два письма ваши, я сбирался отвѣтить на первое доставленное мнѣ вашимъ братцомъ, когда получилъ второе.

Отвѣчая на первое скажу вамъ, что я согласенъ съ Вами: лучше не печатать Вашего отвѣта на критику, которою задѣли вашу книгу. Связываться съ нѣкоторыми изъ нашихъ самозванцевъ критиковъ, не знающихъ ни какого приличія, есть тоже что бороться съ пьянымъ, который весь въ грязи—только что замараешься. Лучшее средство противъ дурного вліянія этой журнальной, торговой литературы есть болѣе писать (говорю это хорошимъ писателямъ) и изданіе хорошаго журнала, дѣльнаго для отборныхъ, и наставительно-просвѣтительнаго для толпы, журнала издаваемаго совѣстными литераторами не для однихъ денегъ*).

*) Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Скажу вамъ, что стихи Жуковскаго, въ которыхъ онъ не совѣтуетъ Кирѣевскому вступать въ полемику журнальную, меня поразили. Я имѣю передъ собою два письма: одно И. И. Дмитріева, другое В. А. Жуковскаго объ одномъ и томъ же предметѣ. Я напечаталъ однажды (1837 г.) брошюру: Взглядъ на старинную Русскую поэзію. Сенковскій, въ своей Библіотекѣ для Чтенія, осмѣялъ ее и меня, заставляя меня, по своему обыкновенію, говорить то, чего я не говорилъ. И. И. Дмитріевъ вспыхнулъ и написалъ ко мнѣ: „Благодарю за подарокъ. Но, въ досадѣ моей, на другой же день увидѣлъ въ послѣдней книжкѣ Библіотеки для Чтенія и пристрастный, и насмѣшливый отзывъ о вашемъ сочиненіи, писанный издателемъ или здѣшнимъ его помощникомъ. Вы, можетъ быть, захотите отвѣчать тому или другому: въ этомъ только намѣреніи рѣшился я сообщить вамъ при семъ прилагаемую выписку изъ журнала“. Получивъ эти строки, я, въ пылу негодованія, написалъ отпоръ противъ шутокъ, унижающихъ журналиста, и противъ гнуснаго ремесла приправлять ихъ лживыми ситаціями. Цѣлый исписанный мною листъ былъ препровожденъ къ И. И. Дмитріеву; но всегда съ твердымъ намѣреніемъ не печатать его, помня совѣты Н. М. Карамзина. За симъ получаю я письмо отъ И. И. Дмитріева: „Благодарю васъ за сообщеніе замѣчаній. Они всѣ основательны, и я искренно сожалѣю, что вы уступчивостію и смиреніемъ своимъ подаете поводъ прозелитамъ Смирдинской школы быть направителями нашей полуграмотной публики. Какъ ни любилъ я Н. М. Карамзина и ни благоговѣю къ его памяти, но и его не одобрялъ за неумѣстное смиреніе противъ своихъ зоиловъ. Большая часть нашихъ читателей скорѣе вмѣнитъ его въ безсиліе къ отпору, чѣмъ въ благородное презрѣніе критикуемаго писателя“. Чуть-чуть не послалъ я своего отпора въ печать; но вдругъ письмо отъ В. А. Жуковскаго“. (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1894 г. VIII, 11—12).

Благодарю Васъ за сообщеніе мнѣ вашихъ статей и писемъ о нашемъ незабвенномъ И. И. Дмитріевѣ. Что нужно перешлю изъ этихъ бумагъ К. Вяземскому; онъ будетъ умѣть написать объ немъ достойнымъ его образомъ. Богъ не судилъ мнѣ видѣть его въ послѣднія минуты его жизни; но я имѣлъ великое утѣшеніе провести съ нимъ вмѣстѣ три дня сряду въ первый проѣздъ мой через Москву: это было какъ будто прощаніе; онъ былъ необыкновенно ко мнѣ нѣженъ; но у меня и тѣни предчувствія не было, что отошедъ отъ него я простился съ нимъ на вѣки *).

Простите, любезнѣйшій Николай Дмитріевичъ, живите спокойно въ кругу вашего семейства, украшайте свое мирное счастіе благородною дѣятельностію литератора и въ этомъ пріютѣ, сохраните дружеское воспоминаніе, вмѣстѣ съ тѣми, кои васъ уважаютъ и мнѣ, которому ваше воспоминаніе всегда будетъ драгоцѣнно.

Съ искреннимъ почтеніемъ честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашимъ
покорнымъ слугою
Жуковскій.

Ноября 12 1837.
Москва.

4.

Л. 64. (1837. Декабрь).

Я хотѣлъ вчера быть у васъ послѣ обѣда, но вмѣсто того почувствовавъ себя не здоровымъ отправился домой, не обѣдавъ, и проспалъ до 8 часовъ. Это меня вылѣчило. Вечеръ я провелъ у Авдотьи Петровны **). Нынче уже будетъ мнѣ невозможно воспользоваться вашимъ любезнымъ предложеніемъ. Укладываюсь и черезъ нѣсколько часовъ ѣду. Простите. Не забудьте преданнаго вамъ

Жуковскаго.

5.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій Николай Дмитріевичъ, за пріятный подарокъ, и не за одинъ, а за два, ибо по возвращеніи изъ чужихъ краевъ получилъ я и первую брошюру вашу о Симо-

*) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ скончался 3 Октября 1837 года.

**) Елагиной. Н. Б.

новѣ монастырѣ. Обѣщаю себѣ много удовольствія отъ прочтенія той и другой. Между тѣмъ долженъ изъявить вновь свое сожалѣніе о томъ, что не увижу васъ въ Москвѣ; и тѣмъ болѣе сожалѣю объ этомъ, что причина вашего сюда непріѣзда для васъ столь печальна. Надѣюсь, что ваши безпокойства на счетъ болѣзни сына вашего скоро кончатся.—Я пробуду въ Москвѣ еще недѣли три. Если паче чаяній вамъ можно будетъ сюда пріѣхать, то нельзя ли устроить чтобы вмѣстѣ съ вами я могъ увидѣть и ваше драгоцѣнное собраніе гравюръ. Баронъ Черкасовъ отъ него въ полномъ восхищеніи. Надобно же было такъ устроиться обстоятельствамъ, чтобы въ послѣдній мой пріѣздъ въ Москву мнѣ не найти случая увидѣть это собраніе. А теперь уже и не видѣть его, ибо уѣхавъ изъ Москвы уѣду по крайней мѣрѣ года на два на три.

Простите, любезный Николай Дмитріевичъ. Сердечно благодарю васъ за ваше дружеское поздравленіе. Желаю искренно вамъ продолжительнаго и постояннаго счастія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

преданный вамъ

Жуковскій.

23 Января 1841.

Москва.

Л. 9. об. Запись Александра Ивановича Тургенева.

Le bonheur est dans la vertu qui aime et dans la science qui éclaire.

Moscou le 26 janvier 1835.

Въ письмѣ своемъ къ Погодину Иванчинъ-Писаревъ писалъ „А. И. Тургенева вмѣстѣ съ Жуковскимъ я еще зналъ пансіонеромъ Московскаго Благороднаго Пансіона, а послѣ сблизился съ нимъ въ обществѣ И. И. Дмитріева, Блудова, Дашкова, да князя Н. Г. Щербатова, съ которымъ дѣлилъ удовольствія своей охоты къ художественнымъ предметамъ". (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1894 г. VIII, 249).

Въ своей Отечественной Галереѣ, Иванчинъ-Писаревъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о Князѣ Ѳедорѣ Николаевичѣ Голицынѣ.

Князь Голицынъ родился въ 1750-мъ году и скончался въ Москвѣ въ 1827 году. Начавъ службу въ гвардіи, онъ былъ взятъ ко Двору, въ качествѣ камеръ-юнкера. Съ молодости онъ много путешествовалъ по чужимъ краямъ. „Онъ мыслилъ въ Германіи и Англіи, созерцалъ природу въ Швейцаріи, веселился во Франціи, плѣнялся дивами древняго и среднихъ вѣковъ искусства въ Италіи". Былъ любимъ королемъ французскимъ Людовикомъ XVI и его супругою. По возвращеніи въ Отечество, „къ бесѣдамъ Шуваловыхъ, Тепловыхъ, Бецкихъ, Строгоновыхъ", онъ былъ назначенъ кавалеромъ при особѣ Великаго Князя Павла Петровича. Потомъ, нѣсколько времени находился посломъ при Стокгольмскомъ Дворѣ. „Сіе посольство замѣчательно тѣмъ, что любя отечественныя письмена и щеголяя знаніемъ языка своего, который изучалъ лучше многихъ своихъ современниковъ, князь Голицынъ рѣшился писать къ Екатеринѣ II по Русски. Это понравилось Монархинѣ, и она приказала всѣмъ посламъ своимъ писать къ ней по Русски же, исключивъ изъ сего правила одного графа Разумовскаго, который просилъ позволенія продолжать свои донесенія на Французскомъ языкѣ; между тѣмъ какъ князь Бѣлосельскій до того былъ тщателенъ касательно исполненія сей монаршей воли, что началъ употреблять самыя коренныя Русскія слова, иногда самыя старинныя, и вынуждалъ Императрицу прибѣгать къ помощи Словаря. Бывъ назначенъ кураторомъ Московскаго Университета, князь Голицынъ оставилъ по себѣ добрую память какъ преемникъ Шувалова, какъ мужъ просвѣщенный и любимый начальникъ.—Разстроенное здоровье его супруги заставило его снова проститься съ Отечествомъ; онъ въ третій разъ поѣхалъ во Францію, гдѣ не узналъ уже Франціи, какъ говорилъ онъ самъ. Наполеонъ увидѣлъ князя Голицына въ Малтійскомъ мундирѣ, и съ грубостію спросилъ у него, по какому праву, не бывъ католикомъ, онъ считаетъ себя Малтійскимъ кавалеромъ,—„Я Мальтійскій кавалеръ потому, что мы Россіяне, признаемъ себя, не менѣе католиковъ, добрыми христіанами", отвѣчалъ Князь. Конецъ своей жизни князь Голицынъ провелъ „въ тѣни садовъ своего Петровскаго". Иванчинъ-Писаревъ получилъ отъ него собственноручный списокъ, сочиненныхъ имъ въ 1820 году стиховъ. (I, 157—165)

Л. 11. Стихотвореніе князя Θедора Николаевича Голицына.

Стихи сочиненныя мною въ селѣ Петровскомъ на семьдесятомъ году жизни моей въ лѣто 1820.

Петровское село, жилище дорогое
Гдѣ въ первой младости пріятно я живалъ
Теперь преклонны дни веду въ тебѣ въ покоѣ
Любуясь на мѣста, гдѣ прежде я гулялъ.

Эти четыре стиха писаны—собственноручно княземъ Голицынымъ, а остальные другою рукою. Въ концѣ сдѣлана собственноручная приписка: „Въ угодность Николаю Дмитріевичу списаны. Князь Θедоръ Голицынъ".

Владиміръ Васильевичъ Измайловъ, родился въ Москвѣ 1773 г., воспитывался и обучался въ домѣ родительскомъ. Въ своей Отечественной Галлереѣ, Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ почтилъ и его память. „Исполняя обязанность Русскаго дворянина" Измайловъ вступилъ въ военную службу, въ которой находился не долго. „Заря авторской жизни его возникла при полномъ свѣтѣ знаменитыхъ талантовъ, сіявшихъ тогда на горизонтѣ нашей Словесности. Счастливое время, когда молодой писатель могъ переходить изъ кабинета Карамзина, Муравьева или Дмитріева за гостепріимный столъ Хераскова или Державина! Такова была школа Измайлова".

Въ Москвѣ Измайловъ имѣлъ наставникомъ въ Словесности извѣстнаго Подшивалова, который издавалъ журналъ: Пріятное препровожденіе времени, гдѣ Измайловъ помѣщалъ свои сочиненія. Скоро почувствовалъ Измайловъ, что „независимая сельская жизнь должна питать занятія, которымъ онъ посвятилъ себя,—и, недалеко отъ Москвы, въ уединенной деревенькѣ своей, онъ провелъ большую часть своей жизни". Тамъ рядомъ съ Словесностью, Измайловъ занимался и Ботаникою; но скончался онъ въ Москвѣ, въ Апрѣлѣ 1830 года.

„Нынѣ вошло въ употребленіе", писалъ Иванчинъ-Писаревъ, „называть подражаніемъ сходство въ мысляхъ и чувствахъ одного человѣка съ другимъ; и такъ, слѣдуя сему употребленію, или лучше сказать злоупотребленію словъ, скажемъ, что Измайловъ подра-

жалъ Карамзину не въ одномъ слогѣ, но и въ участіи, которое принимаетъ патріотъ въ судьбѣ своихъ согражданъ, въ ихъ славѣ и благоденствіи; подражалъ ему въ поощреніи юныхъ талантовъ...; подражалъ ему въ умѣренности, когда произносилъ приговоръ первымъ ихъ произведеніямъ; подражалъ ему въ безотвѣтствіи на статьи несправедливыя...; подражалъ ему въ незлобіи и прямодушіи.... Однимъ словомъ, Измайловъ подражалъ Карамзину, ибо подобно ему, остался до послѣдней минуты жизни, и чистымъ писателемъ и чистымъ человѣкомъ". (Иванчинъ-Писаревъ. Отечественная Галерея, Москва. 1832. I, 466—475).

По словамъ М. А. Дмитріева, Измайловъ „въ подражаніе Карамзину, поѣхалъ путешествовать по Южной Россіи. Это путешествіе въ подражаніе ему же, онъ описалъ въ письмахъ". По поводу кончины Измайлова, князь П. А. Вяземскій, 17 Іюня 1830 г., писалъ И. И. Дмитріеву: „Пожалѣвъ о смерти добраго Измайлова, подумалъ я и о вашей грусти. Вы любили его и имѣли въ немъ собесѣдника, съ которымъ можно было вамъ мѣняться не одними словами, а и мыслями. Закажите по данному вами плану некрологическую статью о немъ Иванчину-Писареву и подарите ею Литературную Газету. Измайловъ оставилъ по себѣ честную память, которую надобно беречь. При нынѣшнемъ упадкѣ нравственномъ нашего литераторства должно выставлять въ примѣръ и въ пристыженіе имена литераторовъ честныхъ, добросовѣстныхъ и чистыхъ. Покойникъ принадлежалъ къ сему числу; изъ твореній его, можетъ быть, и не многому научишься, но изъ жизни его научишься уважать занятія литературныя и облагораживать свои способности". (Старина и Новизна. Спб. 1898 г. II, 227).

Л. 13. Стихотвореніе Владиміра Васильевича Измайлова.

Печать таланта есть духъ смѣлый, благородный.
Умъ творческій, въ путяхъ вселенныя, свободный,
Пространство облетѣвъ, питаетъ новый жаръ
И въ новый путь течетъ. На то ль имъ принятъ даръ
Орлиныхъ быстрыхъ силъ, чтобъ ползать червемъ въ прахѣ?
Невѣжда не дерзнетъ и мыслить въ рабскомъ страхѣ;
Но мудрый судитъ, зритъ и мыслитъ самъ собою;
Предъ нимъ всегда отверстъ храмъ истины святой,

Покровъ людскихъ сердецъ и тайный путь природы
Ведущій къ щастію и Царства и Народы;
Одинъ, въ толпѣ людей, одинъ онъ безъ оковъ
Возноситъ смѣлое чело среди рабовъ.
Развратомъ нравовъ злыхъ въ душѣ не зараженный,
Раздоровъ мнѣній чуждъ, въ дни бури неизмѣнный,
Для щастія совѣсти, любя одно добро,
Онъ ложью не сквернитъ чистѣйшее перо.
Сыпь злато передъ нимъ, о! ты богатствъ владѣтель!
Не мудрый принесетъ имъ въ жертву добродѣтель.
Руссо, съ великою душей своей, летѣлъ
Отъ пышныхъ городовъ подъ кровъ смиренныхъ селъ.
Напрасно льстятъ ему блестящею судьбою;
Онъ ищетъ лишь пути къ сердечному покою.
Какъ цѣпи ни злати, окованъ ими духъ;
И онъ бѣжитъ отъ нихъ, бѣжитъ отъ всѣхъ услугъ
Нескромной щедрости въ дарахъ ея надмѣнной,
Укрыться за щитомъ природы освященной.
На зелени луговъ, и на вершинахъ скалъ
Гдѣ часто умъ его такъ сладостно мечталъ,
Тамъ, съ сердцемъ навсегда фортунѣ недподвластнымъ,
Чѣмъ радовался онъ? Зарей и утромъ яснымъ....

. . . .

Такъ истинный талантъ всегда добромъ плѣнялся.
Напрасно въ ярости всесильный врагъ грозится
Изгнать его на вѣкъ изъ общества людей:
Таланта истребить не можетъ и злодѣй
Для славы нѣтъ темницъ, для мудрыхъ нѣтъ изгнанья;
Край свѣта, область тмы гдѣ солнца нѣтъ сіянья,
Для гордыхъ мудрецовъ не страшны ничего.
Хотя и заточатъ—спокоенъ духъ его;
Съ наукою служить вездѣ ему готовой,
И въ ссылкѣ онъ даритъ себя отчизной новой.

1819, Владиміръ Измайловъ.

Марта 3 дня.

Москва.

Анна Петровна Бунина родилась 1774 года, 7 января, въ Рязанской губерніи, Раненбургскаго уѣзда въ родовомъ помѣстьѣ селѣ Урусовѣ. „Она достойна вниманія какъ писательница съ истиннымъ талантомъ, для которой поэзія была не забавою, но главнымъ дѣломъ ея жизни". Въ 1802 году изъ деревни она переселилась въ Петербургъ и здѣсь подъ руководствомъ Непремѣннаго Секретаря Россійской Академіи П. И. Соколова изучала Русскую Словесность. (Энциклопедическій Словарь Плюшара. Спб. 1836. VII, 356—358). Благодаря особенному расположенію къ ней Державина и Шишкова, Бунина была избрана членомъ Бесѣды Любителей Русскаго Слова. Въ Русскомъ Архивѣ К. Я. Гротъ напечаталъ Альбомъ А. П. Буниной, въ которомъ на первой страницѣ красуется автографъ Державина (21 марта 1810):

Стихи твои пріятны, звонки
Показываютъ умъ намъ тонкій
И нравятся тѣмъ всѣмъ,
А болѣе ничѣмъ.

Шишковъ же въ томъ же Альбомѣ записалъ:

Отъ прелестей твоихъ стиховъ
Всѣ, всѣ безъ обороны;
Такъ каркнемъ же хоть пару словъ
И мы, вороны.
Намъ кажется, ты то между людей,
Что между нами соловей. (Русскій Архивъ. 1902. № 3, стр. 500—506).

„Помню" писалъ С. Т. Аксаковъ, „что я два раза читалъ у Державина при многихъ слушателяхъ какое то большое дадактическое стихотвореніе А. П. Буниной, которое принималось всѣми съ большимъ одобреніемъ; но, кажется, кромѣ гладкихъ, для того времени, стиховъ и цвѣтистости языка, не имѣло оно другихъ достоинствъ". (Семейная Хроника. М. 1856. II. 390—391).

Послѣдніе годы своей жизни А. П. Бунина жила у племянника своего Дмитрія Максимовича Бунина въ его Раненбургскомъ имѣніи Денисовкѣ, въ пяти верстахъ отъ Урусова, гдѣ 4 декабря 1829 года скончалась и погребена въ селѣ Урусовѣ. (Русскій Архивъ. 1902. № 3, стр. 500).

Л. 16. Стихотвореніе Анны Петровны Буниной.

Ведомый Геніемъ къ потоку Ипокрены
Иди съ безпечностью стезей своей
И терновъ не робѣй:
Тебя не прикоснутся терны!
Природа имъ въ удѣлъ назначила мѣста,
Которыхъ Фебова не грѣетъ теплота.

Анна Бунина.

Л. 17. Стихотвореніе Василія Львовича Пушкина.

Подражаніе Горацію
къ Аполлону.

Quid dedicatum pascit Appolinem vates?
Какого счастія желаетъ,
О Аполлонъ! питомецъ твой,
Когда онъ, въ честь твою, изъ чаши изливаетъ
Вино усердною рукой?
Не проситъ камней онъ Индійскихъ драгоцѣнныхъ,
Ни жатвъ Сициліи роскошныхъ береговъ,
Не проситъ сочныхъ онъ плодовъ
Странъ, тихою волной Лариса орошенныхъ.
Въ чаны дубовые сбирая виноградъ;
Пусть славится судьбой, владѣющій садами,
Богатство получивъ, за дальними морями,
Пусть счастливый купецъ, срѣдь нѣги и прохладъ
Съ друзьями время провождаетъ
И кубокъ золотой,
Съ виномъ Фалернскимъ осушаетъ!...
Да будетъ онъ хранимъ судьбою!
Да корабли его несомые волнами,
Безъ опасенья бурь, чрезъ Океанъ текутъ,
И перлы въ дань ему, и яхонты несутъ!
А я, подъ тѣнь древесъ, Минервѣ посвященныхъ,
Скрываясь, не прошу ни злата, ни садовъ;

Прошу я мирныхъ дней, часовъ уединенныхъ,
Да буду въ старости, по благости боговъ,
Покрытый сѣдинами,
Тебя, Латоны сынъ, на лирѣ воспѣвать
И нѣжно—звучными стихами,
Мой ясный вечеръ услаждать.

Василій Пушкинъ.

Стихотвореніе это записано въ Альбомъ 9 февраля 1819 года.

Л. 46. Письмо Василія Львовича Пушкина.

Поздравляю васъ, Любезнѣйшій Николай Дмитріевичъ съ наступающимъ великимъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Желаю, чтобъ вы провели его весело, посреди любезнаго семейства вашего. Поздравляю васъ съ полученіемъ листковъ для вашего Альбома. Увѣдомьте меня о полученіи оныхъ. Жуковскій васъ обнимаетъ, и проситъ, чтобъ вы его любили и не забывали. И я васъ прошу о томъ же. Будьте увѣрены, что пріязнь ваша для меня драгоцѣнна, и не забывайте истинно преданнаго и почитающаго васъ покорнаго слугу.

Василій Пушкинъ.

Москва.
3 апрѣля.

Л. 18. Стихотвореніе князя Петра Андреевича Вяземскаго.

Къ Воспоминанію.

Написано въ Москвѣ, 14 Января 1819. Напечатано въ Дамскомъ Журналѣ 1823 году. № 6, стр. 234; а потому въ Полномъ Собраніи Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго помѣщено подъ 1823 годомъ (III, 319).

Θедоръ Θедоровичъ Кокошкинъ родился въ Москвѣ 20 Апрѣля 1773 года, умеръ 9 Сентября 1838 г. Воспитывался въ Московскомъ Университетѣ. Съ 1817 по 1831 г. съ успѣхомъ управлялъ Московскимъ театромъ. Имъ поощрены были дебюты Мочалова, Щепкина и Живокини, которые „всегда относились къ нему съ благодарностью. При немъ процвѣтала актриса Сандунова“ (Графъ

Сологубъ. Воспоминанія. Спб. 1887, стр. 5). Въ литературѣ Кокошкинъ извѣстенъ „удачнымъ переводомъ Мольерова Мизантропа. По своимъ литературнымъ понятіямъ Кокошкинъ былъ „записнымъ классикомъ". Онъ не признавалъ ни Шиллера ни Шекспира. Саитовъ, основываясь на показаніи Жандра, утверждаетъ, что Кокошкинъ „недружелюбно встрѣтилъ" и комедію Грибоѣдова Горе отъ Ума. Кокошкинъ былъ замѣчательнымъ декламаторомъ. А. П. Милюковъ пишетъ: „я помню, что въ пѐрвый разъ почувствовалъ уваженіе къ французской классической школѣ, когда услышалъ однажды сценическое состязаніе на вечерѣ у Кокошкина. Извѣстный актеръ Мочаловъ прочелъ отрывокъ изъ драмы Виктора Дюканжа Тридцать лѣтъ или жизнь игрока, а Кокошкинъ вслѣдъ за тѣмъ продекламировалъ какой-то монологъ изъ Цинны Корнеля, и въ декламаціи Кокошкина была какая-то поразительная сила и величіе, при которыхъ не замѣчалось фальши и ходульности, въ чемъ обыкновенно обвиняютъ представителей французской драмы и ея исполнителей на сценѣ". (Литературныя встрѣчи и знакомства. Спб. 1890, стр. 12—13).

По словамъ графа В. А. Сологуба, Кокошкинъ „казался олицетвореніемъ важности, паѳоса и самодовольствія" (Воспоминанія, стр. 5). Въ своемъ воспоминаніи о Кокошкинѣ А. П. Милюковъ пишетъ: „Въ воспоминаніяхъ современниковъ Кокошкинъ представляется по большей части человѣкомъ далеко не симпатичнымъ: его обвиняютъ въ надутомъ чванствѣ, интригахъ и узкомъ педантизмѣ. Можетъ быть въ этихъ отзывахъ и была доля правды, но въ моей памяти онъ рисуется въ иномъ видѣ. Правда, я зналъ его недолго, въ моей ранней молодости, онъ представляется мнѣ человѣкомъ доброжелательнымъ, хотя во многихъ отношеніяхъ страннымъ и даже смѣшнымъ. Извѣстно, что онъ былъ недурнымъ актеромъ и удачно игралъ на своемъ домашнемъ театрѣ въ комедіяхъ Мольера, но едва ли въ ряду разыгранныхъ имъ ролей на сценѣ нашлось бы лицо, столько комическое, какъ онъ самъ былъ въ дѣйствительной жизни". (Литературныя встрѣчи и знакомства. стр. 1—2).

Кокошкинъ былъ дважды женатъ: въ первомъ бракѣ на Варварѣ Ивановнѣ Архаровой, а во второмъ—на актрисѣ Аннѣ Семеновнѣ Потанчиковой.

Л. 19. Стихотвореніе Ѳ. Ѳ. Кокошкина:

Старость.

Но кто, склоненъ къ землѣ главою,
Дрожащей движется стопою?
Чело—какъ зимней ночи мракъ:
Какъ свѣтъ луны въ туманѣ—зракъ:
Власы—деревъ вершина снѣжна: –
То старость дряхла, безнадежна!
И се!—простерши долу перстъ,
Намъ призракъ кажетъ ровъ изрытый:—
Окрестъ холмы пескомъ покрыты:—
Се бѣдъ конецъ, се гробъ отверстъ!

Ода: Человѣкъ.—Ѳ. Кокошкинъ.

Вписано въ Альбомъ въ 1821 году.

Л. 68. Письмо Ѳедора Ѳедоровича Кокошкина.

Примите совершенную мою благодарность за безцѣнный подарокъ прекрасныхъ вашихъ произведеній. Не имѣя удовольствія еще знать васъ лично, я уже, наслаждаясь чтеніемъ твореній, душою полюбилъ творца: съ того же пріятнаго вечера, какъ вы сдѣлали мнѣ честь вашимъ посѣщеніемъ, я по чувствамъ сердечнымъ сталъ принадлежать вамъ.—Крайне жалѣю, что вчера меня не было дома—боюсь не видаться съ вами до вашего отъѣзда; а потому убѣдительно васъ прошу или назначить мнѣ часъ когда могу васъ застать, или оставя суетный свѣтскій обрядъ, обязать меня, пожаловать ко мнѣ откушать во вторникъ на той недѣли чѣмъ чувствительно обяжете, съ чувствами истиннаго почтенія вамъ

душою преданнаго

Ѳедоръ Кокошкинъ.

5 марта
1821-го года.

Л. 20. Стихотвореніе Дмитрія Потаповича Шелехова. 27 января 1819 г.

„Н. Д. Иванчину-Писареву. Отвѣтъ на предложеніе помѣстить стихи въ его Альбомѣ между знаменитыми Пѣснопѣвцами“.

Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Дивлюсь силѣ нѣкоторыхъ душъ: Жуковскому, который старѣе меня, кажется, восемью годами; Языкову, говорятъ, больному; М. А. Дмитріеву, давно уже не Геркулесу, хотя и не старому. Они поютъ, поютъ, поютъ,—да еще какъ поютъ! Покойный И. И. Дмитріевъ сказывалъ мнѣ, что его племянникъ два раза лишался ногъ, въ послѣдній разъ Иванъ Ивановичъ говорилъ объ этомъ съ навернувшимися слезами. Я посѣтилъ М. А. Дмитріева—и было точно такъ". (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1894. VIII, 13).

Л. 21. Стихотвореніе М. А. Дмитріева.

Міръ Фантазіи.

Другъ и нѣги и мечтаній,
Вѣрный Музѣ съ юныхъ лѣтъ,
Я въ страну очарованій
Направляю свой полетъ!
Тамъ свѣтлѣе день весенній,
Изъ безоблачныхъ небесъ
Сладострастной ночи тѣни
Покрываютъ долъ и лѣсъ.

Тамъ источника журчанье
Слаще съ эхомъ говоритъ;
Легче Цинтіи сіянье
Миртъ прибрежный серебритъ;
Воздухъ въ грудь вливаетъ сладость,
Какъ амврозія боговъ—
И зефиры вѣютъ радость
Съ разцвѣтающихъ холмовъ.

Все, что сердцу счастьемъ льстило
Съ легковѣрныхъ юныхъ дней
Тамъ свой образъ сохранило
Въ прежней свѣжести своей:
Всѣ надежды обѣщанья,
Сердца первая любовь
И погибшія мечтанья—
Воскресаютъ тамо вновь.

Нѣтъ ни вздоха тамъ, ни стона;
Ни заботъ, ни страха нѣтъ;
Для желаній—нѣтъ закона:
Исполненье—имъ во слѣдъ!
Все восторгъ! все наслажденье!
Незамѣтенъ бѣгъ часовъ!
Прошлыхъ горестей—забвенье,
И на будущемъ—покровъ!

О фантазія—богиня!
Ты царица сей страны!
Съ небосклона темносиня
Лишь заблещетъ ликъ луны:
Ты повсюду разсыпаешь
Легкокрылый Сильфовъ рой,
И любимцевъ похищаешь
Тайно въ свѣтлый теремъ свой.

Но никто, вѣковъ съ начала,
Не открылъ туда путей:
Лишь Пѣвцовъ ты допускала
Искони къ странѣ своей!
Чаще всѣхъ сей міръ забвенья
Посѣщалъ Анакреонъ,
И все дней его теченье
Было . . . . легкой, сладкой сонъ.

М. Дмитріевъ.

Записано въ Альбомъ: 2 Іюля 1819 года.

Тайный Совѣтникъ Петръ Александровичъ Новиковъ былъ женатъ на дочери князя Ивана Михайловича Долгорукова княжнѣ Антонинѣ—Варварѣ Ивановнѣ. Въ лицѣ своихъ сыновей Евгенія Петровича и Ивана Петровича онъ возрастилъ честныхъ государственныхъ дѣятелей.

Въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, бывшемъ 24 февраля 1823 года, подъ предсѣдательствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго, П. А. Новиковъ прочелъ: Объ Идеалѣ изящныхъ искусствъ, и о геніи (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. I, 213).

Л. 22. Стихотвореніе Петра Александровича Новикова

Воспоминаніе.

Воспоминаніе! О чувство благодатно!
Подруга счастливыхъ, отрада грустныхъ дней!
Какому сердцу ты не внятно!
Кто не блаженствовалъ тобою въ жизни сей!
Тамъ все—и самая надежда измѣняетъ;
Ты вѣрно лишь одно и въ счастье и средь бѣдъ.
И на зарѣ и въ вечеръ лѣтъ.
Въ объятьяхъ лишь твоихъ здѣсь странникъ отдыхаетъ:
Всѣ жизни радости въ тебѣ!
Какъ настоящее—ты дышишь наслажденьемъ,
И прелесть скрытаго даришь самой судьбѣ
Благъ будущихъ изображеньемъ!
Мечта небесная! слети въ мой тихій кровъ!
Надъ нимъ здѣсь кипарисъ склоненной
Подъ тѣнью приметъ насъ своей уединенной,
И воспаримъ за даль умчавшихся годовъ.
Несчастливъ тотъ, кому прошедшее—могила
И времени рука слѣдъ радости закрыла;
Блаженъ, кто можетъ жизнь увядшую любить,
И настоящее минувшимъ золотить!
Съ тобой на родину перенесуся,
И памятники лѣтъ блаженства обойму,
Мѣстамъ знакомымъ улыбнуся
И розу счастія еще хоть разъ сорву.
Неизмѣнился я душою:
Воскресшія красы, младыхъ, безпечныхъ дней!
Вы тѣ же для меня, или еще милѣй;
Я съ вами съединенъ чувствъ юныхъ простотою,
Воспоминаніе! тобою возвратитъ
Мнѣ весну дней весна природы
Воображеніе польститъ
И юнымъ счастіемъ, и благами свободы.
Погибшее воскреснетъ предо мной,
Раскроется душа для прежнихъ впечатлѣній,

И сила первыхъ наслажденій
Отдастся сердцу съ простотой.
Любовь родителей, ихъ первые совѣты,
Печали первыя, и дружбы въ первы лѣты,
И то мгновеніе, когда мой духъ живой
Въ первые ощутивъ Поэзьи жаръ святой,
Когда отважностью младая мысль гордилась,
Чувствъ первыхъ полнота въ нескладный стихъ излилась,
И въ восхищеньи я воскликнулъ: Я Поэтъ!
Минуты сладости! васъ для меня ужъ нѣтъ
И больше никогда не будетъ!
Но сердце нѣжное забыть не можетъ васъ!
Мое васъ вѣрно не забудетъ
И въ самый грозный смерти часъ!
Ты будешь вѣрной мнѣ наградой,
Воспоминаніе! когда сверша обѣтъ
Жить другомъ добраго, несчастнаго отрадой,
И къ западу склонясь протекшихъ въ мирѣ лѣтъ
Ихъ обниму блаженною мечтою,
И возмогу Творцу съ надеждою сказать:
„Отецъ, вотъ жизнь, вотъ даръ врученный мнѣ тобою!
Благоволи его въ безсмертіе принять!“
Воспоминаніе! ты злобнымъ лишь ужасно!
Опасностей, коварствъ и злодѣяній видъ
И въ самомъ торжествѣ ихъ слабый духъ тягчитъ.
Смерть добраго тиха какъ вечеръ дня прекрасна.
День жизни милыя воскреснетъ для него;
Его послѣдній вздохъ на ней остановится,
И отлетая, духъ его
Прелестнымъ зрѣлищемъ въ восторгѣ насладится! . . . .

П. Новиковъ.

Въ Альбомъ записано 6 Марта 1819 года.

Генералъ-лейтенантъ Александръ Александровичъ Писаревъ, въ военное время былъ начальникъ Гренадерской дивизіи; въ мирное попечитель Московскаго Университета, родился въ 1780 году, скончался въ Москвѣ 24-го Іюня 1848 года.

Памяти Писарева Иванчинъ-Писаревъ посвятилъ нѣсколько словъ: Первоначальное образованіе получилъ онъ въ домѣ своего родителя, бывшаго въ дружескихъ сношеніяхъ со многими Европейскими учеными того времени, и дважды посѣщавшаго Фернейскаго старца. Изъ родительскаго дома Писаревъ поступилъ въ бывшій Сухопутный Кадетскій Корпусъ. Въ чинѣ полковника Семеновскаго полка участвовалъ въ Бородинской битвѣ. „Въ безпримѣрной въ лѣтописяхъ битвѣ, гдѣ Россія одна понесла бремя всемірнаго освобожденія, Писаревъ удивлялъ армію неустрашимостью и искусствомъ распоряженій.“ Когда „умолкли брани, вложился въ ножны мечь и доблестный воинъ обратился къ предметамъ, всегда имъ любимымъ. Наука, Словесность и Художества сдѣлались его единственнымъ занятіемъ.“ На своихъ Калужскихъ Вечерахъ, Писаревъ поставилъ слѣдующій эпиграфъ: Владѣй мечемъ въ бою, а лирой средь друзей (М. Вѣд. 1849. № 8).

16-го февраля 1825 года, Писаревъ обратился съ просительнымъ письмомъ къ министру Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишкову объ опредѣленіи его на мѣсто князя Андрея Петровича Оболенскаго попечителемъ Московскаго Университета. Шишковъ внялъ просьбѣ своего поклонника, и писалъ Государю: „Отставной генералъ-маіоръ Писаревъ пишетъ ко мнѣ, что свершивъ военное поприще уклонился онъ подъ сѣнь наукъ и искуствъ, сопутствовавшихъ ему и въ прежней его службѣ, и нынѣ посвящая время свое занятіямъ умственнымъ, желалъ бы не оскудѣвать въ своихъ намѣреніяхъ. Узнавъ, что попечитель Московскаго Учебнаго Округа князь Оболенскій проситъ увольненія, осмѣливается онъ предложить себя на его мѣсто, увѣренный въ своемъ усердіи и ревности къ сей должности, и будучи къ тому какъ бы и сопричастенъ еще по званію президента Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденнаго при Московскомъ Университетѣ.“

19-го Іюля 1825 года состоялся Высочайшій указъ, въ которомъ изображено: „Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть отставному генералъ-маіору Писареву.“ (Архивъ М. Н. П. № 27.103/551).

„Какъ попечитель старѣйшины Россійскихъ университетовъ,“ свидѣтельствуетъ Иванчинъ-Писаревъ, „Писаревъ поставилъ себѣ

правиломъ измѣнять мало, и болѣе поддерживать и укоренять все, что было полезнаго и умнаго въ прежнемъ ходѣ дѣлъ. Умѣвъ привязать къ себѣ воиновъ, онъ и тутъ обрѣлъ добрую о себѣ память сослуживцевъ своихъ, господъ преподователей; его радушіе оставило по себѣ такую же и въ учившихся тогда юношахъ. Въ общественной жизни онъ соединялъ любезность свѣтскаго обращенія съ простодушною откровенностію солдата; въ ученой—онъ умѣлъ заставить равно любить себя Карамзина и Шишкова, Державина и Дмитріева". (Моск. Вѣдомости 1849. № 8). Знаменитый археографъ нашъ П. М. Строевъ въ своей рѣчи, произнесенной 27-го Октября 1828 года въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ заявилъ: „Въ душѣ моей глубоко врѣзано чувство признательности и за тѣ средства, кои ревностному и доблестями преисполненному Предсѣдателю нашему благоугодно было доставить мнѣ, для обозрѣнія Софійскаго книгохранилища въ Новгородѣ". (Жизнь и Труды П. М. Строева. Спб. 1878, стр. 158).

Л. 23. Стихотвореніе Александра Александровича Писарева.

Барабанъ—моя все лира,
Рапорты—мои стихи;
И какъ будто бъ за грѣхи
Скованъ въ формы я мундира!....

А. Писаревъ.

6-го Января
1820
Москва.

Л. 68. Письма Александра Александровича Писарева.

1.

Горки 1-го Іюня. Я цѣлый день проплакалъ, извѣстясь о смерти Н. М. Карамзина!

Заклинаю тѣнью самого Исторіографа, напишите въ память ему Историческое Слово для Общества.

И тотъ, кто насъ къ безсмертью вызывалъ,
Останется ли безъ похвалъ!....*)

*) Исполняя желаніе своего друга Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ написалъ Рѣчь въ память Исторіографу Россійской Имперіи, и произнесъ ее въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 14-го Января 1827 года. (Отечественная Галлерея. М. 1832. I, 186—234). Описывая въ своей Рѣчи препятствія, которыя

Сейчасъ ѣду въ городъ, чтобы размыкать горе. Простите

Вашъ etc., etc., etc.

А. Писаревъ.

2.

Любезный мой Поэтъ! Спасибо отъ лица всего Общества Историческаго за похвалу Карамзину; его бюстъ я поставилъ въ Университетѣ съ бюстами Ломоносова, Державина, Шувалова!—Стиховъ въ газетахъ нельзя печатать; особо или въ журналахъ воля твоя.

Пріѣзжай къ намъ повеселиться. Прости

твой etc. etc. etc.

А. Писаревъ.

30-го Іюля 1826

Москва.

3.

Почтеннѣйшій мой Николай Дмитріевичъ. Умчался я отъ васъ, какъ киргизецъ! Такъ угодно было Провидѣнію! Можетъ быть здѣсь я буду полезнѣе, нежели у васъ! *) За тобою много литературныхъ долговъ, ихъ жду сюда. Положеніе твое со мною весьма несходное:

Карамзинъ встрѣтилъ на своемъ поприщѣ, Иванчинъ-Писаревъ упоминаетъ о недостаткѣ совѣтниковъ: „Кто у насъ говорилъ о немъ, какъ говорилъ о Цицеронѣ Плиній? Кто писалъ къ нему, какъ писалъ Плиній къ Тациту? Какой Буало вѣщалъ ему: пиши—я ручаюсь за потомство". На эти строки Иванчина-Писарева возражалъ Погодинъ: „Авторъ позабылъ, что Карамзину былъ другомъ Дмитріевъ, что Державинъ говорилъ ему:

Пой Карамзинъ
И въ прозѣ гласъ слышенъ соловьинъ".

(Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1889. II, 146).

А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Пробѣжалъ сегодня акаѳистъ Иванчина-Писарева нашему Исторіографу. И за намѣреніе отдать справедливость спасибо" (Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1884. IX, 92).

Какъ извѣстно, Погодинъ написалъ Похвальное Слово Карамзину и произнесъ его въ Симбирскѣ при открытіи памятника Исторіографу. „Увѣдомьте меня," писалъ Иванчинъ-Писаревъ Погодину, „гдѣ вы напечатали свое Похвальное Слово Карамзину. Я смѣю надѣяться, что вы не обойдете экземпляромъ того, кто первый изъ Россіянъ принесъ ему дань благодарности отъ лица Россіи". (Погодинъ, VIII, 249).

*) Въ 1830 году Писаревъ былъ пожалованъ сенаторомъ и перешелъ на службу въ Варшаву. „Призываемый сослуживцемъ и начальникомъ своимъ фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ," пишетъ Иванчинъ-Писаревъ, „къ которому Писаревъ всегда питалъ чувства благоговѣйнаго уваженія, онъ рѣшился оставить

Въ то время, я когда закручиваю усъ,
И разставляю въ городѣ . . . . . . ;
Тогда въ рукахъ твоихъ измятъ Horacius,
Съ которымъ пробѣгаешь ты долины!
Въ то время, я когда на барабанный стукъ,
Бѣгу, какъ къ цѣли всѣхъ моихъ желаній,
Ты внемлешь клавикордѣ, иль арфы нѣжный звукъ,
И погружаешься въ мильонъ мечтаній!!!...
Довольно, ...

Твой на вѣкъ
А. Писаревъ.

P. S. Супруги и тещи твоей мое всеусердное почитаніе.

$\frac{14}{26}$ Варшава

Покорнѣйше благодарю за Михаила *), котораго сейчасъ получилъ и сталъ читать

А. П.

$\frac{22 \text{ мая}}{3 \text{ іюня}}$ Варшава.

Письмо получено Иванчинымъ-Писаревымъ 19 Августа 1840 г. На письмѣ сдѣлана слѣдующая французская приписка:

Mon cher. . . . je viens de recevoir cette lettre à l'instant même, et je m'empresse de vous la faire parvenir, mais, un peu au hasard, car je ne suis pas sure de votre adresse.

Hélas! on me chasse de mon petit nid, de mon cher Lublino... Je vous en veux de ce que vous ne m'avez pas fait part de votre ayeule polonaise....

Жизнь княгини Зинаиды Александровны Волконской возбуждаетъ живѣйшее любопытство. Она была дочь оберъ-шенка князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго (1752—1809),

---

Москву.... Заботы и труды его въ начальствованіи надъ столицею Царства Польскаго, а также и въ Засѣданіи въ Государственномъ Совѣтѣ и Сенатѣ онаго Царства мало извѣстны намъ по отдаленію отъ насъ этой сферы его дѣйствія. Но мы знаемъ по достовѣрнымъ сказаніямъ, что Русскіе и Поляки тамъ равно любили его". (Московскія Вѣдомости 1849. № 8).

*) Михаилъ, великій князь Черниговскій и бояринъ его Θеодоръ. Сочиненіе Николая Иванчина-Писарева. Издано княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Оболенскимъ. Москва. 1839.

роднаго по матери племянника графовъ Чернышовыхъ, столь извѣстныхъ въ Елисаветинское и Екатерининское царствованія. Князь Бѣлосельскій былъ страстный любитель Словесности. Онъ былъ литературнымъ воспитателемъ своей дочери. Мать княгини Зинаиды Александровны была Варвара Яковлевна Татищева, племянница славнаго Петра Дмитріевича Еропкина. Съ малолѣтства княгиня Волконская окружена была памятниками ума и произведеніями искусства. Она вышла замужъ за родного внука фельдмаршала князя Репнина егермейстера князя Никиту Григорьевича Волконскаго († 1842). Ея прекрасная наружность, ея умъ и разнообразныя дарованія обратили на нее общее вниманіе при первомъ вступленіи ея въ свѣтъ. Императоръ Александръ I любилъ бывать въ ея обществѣ особенно въ Теплицѣ и въ Прагѣ въ 1813 году, потомъ въ Парижѣ, и въ эпоху конгресовъ Вѣнскаго и Веронскаго. Блестящимъ періодомъ жизни ея были года 1813—1831. Еще Батюшковъ въ 1818 году писалъ къ Е. Ѳ. Муравьевой изъ Одессы: „сію минуту иду къ княгинѣ Зинаидѣ съ Сенъ-При; она здѣсь поселилась, и все у ногъ ея“. Она знала по-гречески и по-латыни и находилась въ дружескихъ сношеніяхъ съ извѣстнымъ ученымъ Гульяновымъ. „Княгиню,“ писалъ о ней С. П. Шевыревъ А. В. Веневитинову, „чѣмъ ближе видишь, тѣмъ больше любишь и уважаешь. Ея стихія Римъ.... О, еслибы она съ молодости писала по-русски“. Съ 1824 по 1829 г. княгиня Волконская жила въ Москвѣ, въ богатомъ домѣ брата своего у Тверскихъ воротъ, который она умѣла обратить въ настоящую академію наукъ и искусствъ. Она страстно занималась Русскою Словесностью, изученіемъ Русскихъ Древностей и народнаго быта. Она украшала свой домъ оригиналами и копіями знаменитѣйшихъ произведеній живописи и ваянія. Веневитиновъ, Соболевскій, Шевыревъ, Погодинъ, Кирѣевскіе, Хомяковъ, встрѣчались на ея вечерахъ съ княземъ Вяземскимъ, Пушкинымъ, Мицкевичемъ, Баратынскимъ и другими знаменитостями. Извѣстный музыкантъ Геништа посвящалъ княгинѣ свои романсы. Наконецъ, княгиня Волконская принимала участіе въ литературныхъ упражненіяхъ архивныхъ юношей и вмѣстѣ съ ними писала повѣсти, сказки и разсказы. Пушкинъ посылая княгинѣ З. А. Волконской свою поэму Цыганы между прочимъ писалъ ей:

Среди разсѣянной Москвы
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона......
... Пѣвца плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

И вся эта совокупность благопріятныхъ условій въ Московскомъ домѣ княгини З. А. Волконской, какъ часто бываетъ у насъ, пропало для Россіи быстро и безвозвратно. (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1889. II, 35—38).

Л. 25. Стихотвореніе Кн. З. А. Волхонской.

Vers sur la Musique

A l'amour, à la peine elle doit sa naissauce;
elle rève comme elle, et sourit comme lui;
de tous ses mouvements le coeur seul est l'appui.
Sa gloire est l'opéra, sa grace la—Romance.
De la haine envieuse elle eteint les progrès,
nourit le souvenir, entretient l'esperânce,
Soupire doucement la plainte, les regrets,
et par un vague heureux, allegè la souffrance.

Princesse Zeneïde Volkhonsky.

По показанію Н. Д. Иванчина-Писарева, г-жа Сталь „хвалилась способностью угадывать имена писателей по нѣсколькимъ строкамъ ихъ сочиненій, еще неизвѣстныхъ. Ей предложили Vers sur la Musique. Прочитавъ два и три раза она сказала: Делиль! Эти стихи, нѣкогда сочиненные княгинею Зинаидою Александровною Волконскою, были вписаны ею въ мой Альбомъ. Желательно, чтобы кто нибудь изъ нынѣшнихъ поэтовъ перевелъ ихъ“. (Москвитянинъ 1842 г. № 3, стр. 149—150).

Л. 48. На обор. Портретъ Княгини Зинаиды Александровны Волхонской.

Portrait de la Princesse Zenéide Wolkhonsky. Il m'a été envoyé par elle de Rome.

A pena s'e puo dir: questa fu rosa!

Л. 72. Четыре письма Княгини З. А. Волхонской.

1.

Je vous supplie, aimable poëte de me rendre deux services, l'un est de me preter ou indiquer des morceaux choisis de prose Russe: morale, philosophie, science, histoire.—Je forme un cahier de lecture pour Alexandre de tout ce que je peux recueillir de bon dans ce genre en Russe, en français, latin et autres langues. L'autre service c'est de m'ecrire une lettre dans laquelle vous me parliez en détail de vos idées sur l'Emp. Alexandre. J'ai été si frappée de celles que vous avez énoncées une fois chez moi sur ce sujet si grand, si poëtique, que je désire en conserver le souvenir. Ne me refusez pas.

P-cesse Z. W.

2.

Je vous remercie mille fois un peu tard, il est vrai, pour les vers charmants que je vous ai inspirés, Monsieur; il faut avoir le talent que vous avez pour faire d'une simple demande une chose aimable, pleine de gout et de délicatesse. Maintenant je vais vous parlez affaire. Grossi, que vous connaissez compte d'aprés mon conseil, envoyer ses tableaux à Petersbourg pour tacher de les bien vendre; il m'a prie de vous demander, Monsieur, si vous avez toujours la vélléité d'acheter le tableau de Tintoretto, représentant la flagellation. Les circonstances dans les quelles il se trouve, gráce à M-r Balk et à d'autres mauvais payeurs font qu'il ne compte plus faire de prix avec vous pour ce tableau: mais il vous demande de le fixer vous même. Il connait votre délicatesse et vos lumières et s'en rapporte à vous *). Je m'interesse beaucoup à ce galant homme.— J'ai eu bien du chagrin tout ce tems ci. Mon medecin, M-r Svedigo, est mort à Czerkask d'une manière tragique. Il y était allé avec mon mari. Ma soeur vous dit mille choses tendres et moi je vous prie de croire à mon amitié.

P-cesse Zeneide Wolkhonsky.

Ce 10 Septembre 1825. Moscou.

3.

Ce 13 Novembre 1825.

Cher Monsieur, j'ai une grace à vous demander d'abord je veux savoir de vous quand vous revenez en ville, car j'ai beaucoup de

*) J'ai fait l'acquisition de ce tableau deja en 1832 à raison de 2500 R. Ив.-П.

choses à vous raconter; en second lieu je vous conjure de m'aider dans une entreprise difficile. Il s'agit de donner des notes sur le pauvre Vlassoff pour faire un discours à la societé d'antiquités et d'histoire. On veut connaitre en abrégé sa vie, son caractêre, ses goûts et jetter (sic) un coup d'oeuil sur sa riche collection. Il faut que ces notes soient claires et bonnes et qu'elles soient en Russe. Personne mieux que vous, ne peut les faire. Vous aimez les arts, vous êtes grand connaisseur, vous avez été l'ami de mon beau frère. Aidez moi au nom de l'amitié. Il y a quelques points que vous pouvez ignorer: ensuite j'ai voyagé pendant 11 ans et n'ai jamais passé avec lui que des mois. Voila donc les points dont il s'agit.—M-r Vlassoff a été capitaine en second des gardes de Semenovsky, il s'est marié l'année 1805, et avait dejà une collection, petite mais choisie d'estampes, et c'est ce qui l'a lié avec mon père le P-ce Beloselsky protecteur des arts, et qui a pour ainsi dire formé cette alliance entre 2 êtres qui aimaient le beau. Voila le catalogue que je tiens de vous, si vous n'en avez plus besoin, vous me le renverrez. Envoyez au plus tot les notes desirées et croyez à la reconnaissance que je vous aurai cher et aimable poête. Quand vous viendrez je vous lirai des vers de Kozloff delicieux. Il vous plairont: il y a du coeur. Ma soeur, Alexandre, Barberi se rappellent à votre souvenir.

P-cesse Z. V.

4.

Mille et mille grâces cher poete.—Vos vers sont charmants et dignes de la gallanterie d'Henry 4.

Л. 73. Стихи, написанные Н. Д. Иванчинымъ-Писаревымъ послѣ маскарада княгинѣ З. А. Волконской, гдѣ Иванчинъ-Писаревъ былъ одѣтъ Генрихомъ IV, а княгиня Волконская дѣвою Орлеанскою.

Для сердца и ума міръ цѣлый замѣнилъ
Вчера и взору вы представили весь міръ:
Всѣ вѣка, всѣ страны, отъ Финнъ и до Китая
Украсили вашъ пиръ.
Тамъ щурился Калмыкъ предъ гордостью
Испанской;

Танкредъ, дервишъ, гусаръ, жидовка,
господарь,
Всѣ забавлялись тамъ; и добрый,
нѣжный царь
Благоговѣлъ предъ Дѣвой Орлеанской...!

Братъ приснопамятнаго святителя Кіевскаго Филарета Семенъ Егоровичъ Раичъ былъ человѣкъ ученый и вмѣстѣ литературный, отличный знатокъ Классической и Европейской Словесности. Въ литературѣ нашей Раичъ извѣстенъ какъ переводчикъ Виргиліевыхъ Георгикъ, Тассова Освобожденнаго Іерусалима и Аріостовой поэмы Неистовый Орландъ. По свидѣтельству И. С. Аксакова, „это былъ человѣкъ въ высшей степени оригинальный, безкорыстный, чистый, вѣчно пребывавшій въ мірѣ идиллическихъ мечтаній, самъ олицетворенная буколика, соединявшій солидность ученаго съ какимъ то дѣвственнымъ поэтическимъ пыломъ и младенческимъ незлобіемъ". Родители Ѳ. И. Тютчева сдѣлали выборъ самый удачный, пригласивъ Раича воспитывать ихъ сына. Въ домѣ Тютчевыхъ Раичъ прожилъ семь лѣтъ и оттуда перешелъ къ Николаю Николаевичу Муравьеву, основателю знаменитаго Училища Колонновожатыхъ, для воспитанія меньшаго его сына Андрея Николаевича. Раичъ былъ также воспитателемъ другаго питомца Училища Колонновожатыхъ, Алексѣя Васильевича Шереметева, и жилъ въ его Рузскомъ селѣ Покровскомъ. Раичу же обязаны своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ и братья Булыгины, Ѳедоръ и Василій Ивановичи. (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1888 г. I, 161—163).

Л. 25 об. Стихотвореніе Раича.

На той скрижали,
На коей начертали
Небесныя слова Божественнымъ перстомъ
Великіе пророки
И я на память.... строки
Гусинымъ написалъ перомъ....
Раичъ.

Вписано въ Альбомъ 30 Декабря 1828 г.

Л. 26—27. Стихотворенія А. А. Засѣцкой.

1. Элегія (подражаніе Парни).

2. Романсъ (подражаніе Гете).

Москва февраля 19-го дня 1828 года.

По поводу кончины Баратынскаго И. В. Кирѣевскій писалъ: „Пѣвецъ любви, печали, сердечныхъ думъ и сердечныхъ сомнѣній, своеобразный поэтъ, высокій, глубоко-чувствующій художникъ, искренній въ каждомъ звукѣ, отчетливо изящный въ каждой мечтѣ оставилъ въ Словесности нашей нѣсколько прекрасныхъ созданій, не оцѣненныхъ по своему достоинству, но почти ничтожныхъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ могъ бы сдѣлать. Въ послѣднее время писалъ онъ особенно мало и еще менѣе былъ понятъ и оцѣненъ монополистами литературныхъ мнѣній, самодовольными журнальными судьями,—которые часто полу-русскимъ языкомъ произносили приговоръ надъ его образцовыми, глубоко прочувствованными стихами; часто, по указанію ученическихъ тетрадей, разбирали, щупали, ломали его нѣжныя, художническія сужденія.... Не знаемъ, огорчало ли это Баратынскаго; думаемъ, что онъ могъ бы утѣшаться приговоромъ иныхъ, какъ напримѣръ: Жуковскаго, Пушкина, Вяземскаго, Языкова, Хомякова, Дельвига, Дениса Давыдова, Шевырева. Но кто разочтетъ по законамъ благоразумія мѣру чувствительности избраннаго таланта?... Мѣсто, принадлежавшее Баратынскому въ нашей Словесности, навсегда останется не занятымъ и можетъ быть еще долго не оцѣненнымъ"..... Прочитавъ эти строки Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Жаль Баратынскаго! Но напрасно думаютъ, что онъ замолкъ отъ журналовъ: его талантъ пересилилъ бы ихъ. Онъ, разбогатѣвъ, занялся позивитивнымъ; въ послѣднее свиданіе его со мною, онъ говорилъ объ Агрономіи, Политической Экономіи, и послѣ цѣлый часъ объ отвлеченной философіи. Но здоровье его казалось уже растроеннымъ". (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1893. VII, 355—356).

Л. 27 об.—28. Отрывокъ изъ поэмы Е. А. Баратынскаго Эда и его записка къ владѣльцу Альбома:

„Посылаю вамъ (въ) вашъ альбомъ, Любезный Поэтъ. Я провелъ у васъ такія пріятныя минуты что желаніе другихъ подобныхъ во мнѣ не удивительно. Очень меня одолжите ежели назначите мнѣ

утро, въ которое застану васъ дома. Увѣренный въ вашемъ добромъ расположеніи смѣло пишу: до свиданья.

Е. Баратынскій.

P. S. Тесть мой*) желаетъ побывать у васъ вмѣстѣ со мною".

Идетъ поспѣшно день за днемъ
Гусару дѣва молодая
Уже покорствуетъ во всемъ.
За нимъ она, какъ лань ручная,
Повсюду ходитъ. То четой
Пріемлетъ ихъ въ полдневный зной
Густая сѣнь дубравы сонной,
То зазоветъ дремучій боръ,
То приглашаютъ гроты горъ
Въ свой сумракъ нѣгѣ благосклонной,
Но чаще сходятся они
Въ долу сосѣдственномъ, глубокомъ
Въ густой рябиновой сѣни
Надъ быстро льющимся потокомъ
Они садятся на траву.
Порой любовникъ въ томной лѣни
Послушной дѣвѣ на колѣни
Кладетъ безпечную главу
И легкимъ сномъ глаза смыкаетъ.
Духъ притаивъ, она внимаетъ
Дыханью друга своего;
Древесной вѣткой отвѣваетъ
Докучныхъ мошекъ отъ него;
Его волнистыми власами
Играетъ дѣтскими перстами.
Когда-жъ подымется луна
И дикій край подъ ней задремлетъ,
Въ пріютъ укромный свой она
Къ себѣ на одръ его пріемлетъ.

Е. Баратынскій.

Изъ повѣсти Эда.

Вписено въ Альбомъ 28 Января 1829 года.

*) Генералъ-маіоръ Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ. Н. Б.

Въ 1831 году, „мы“, пишетъ Иванчинъ-Писаревъ, „на Московскихъ минеральныхъ водахъ часто видѣлись съ Гнѣдичемъ. Онъ просилъ у меня книгу: Отечественная Галлерея, бывшую еще въ рукописи, а я у него стиховъ изъ Иліады въ свой альбомъ. Во все это время, за коимъ такъ скоро послѣдовала кончина Гнѣдича, онъ былъ въ самомъ уныломъ расположеніи духа“ (Москвитянинъ 1842 г. № 3, стр. 148—149).

Гнѣдичь посѣтилъ Москву черезъ годъ послѣ выхода въ свѣтъ своего перевода гексаметрами Иліады. Мерзляковъ вступился за свои права на первенство введенія этого стихотворнаго размѣра въ Русскую Литературу. „Гексаметрами и амфибрахіями“, писалъ Мерзляковъ Погодину, „я началъ писать тогда, когда еще Гнѣдичь былъ у насъ въ Университетѣ ученикомъ, и не зналъ ни гексаметровъ, ни пентаментровъ и даже не писалъ стихами, свидѣтель этому Вѣстникъ Европы и господинъ Востоковъ, который именно приписываетъ мнѣ первую попытку въ своемъ Разсужденіи о Стихосложеніи, такъ какъ пѣсни мои Русскія въ этой же мѣрѣ были пѣты въ Москвѣ и Петербургѣ прежде, нежели Дельвигъ существовалъ на свѣтѣ. Гнѣдичь, бывши здѣсь въ Москвѣ и квартируя у Кокошкина, самъ признавался предъ всѣми, что я первый началъ писать этимъ родомъ стиховъ, и укорялъ меня за то, что я послѣ возсталъ противъ нихъ. Просто сказать вамъ: Гнѣдичь умышленно молчитъ обо мнѣ, дабы быть творцомъ гекзаметровъ и поподличать предъ журналистами, которые теперь ему нужны, нынѣ всѣ литераторы позабыли совѣсть и торгуютъ всѣмъ, чѣмъ могутъ. А Гнѣдичь еще себя называетъ моимъ первымъ почитателемъ и другомъ“. Вслѣдствіе этого письма Погодинъ печатно заявилъ: „Въ предисловіи къ переводу Иліады говорится объ опытахъ гексаметрами Жуковскаго и Дельвига,—и ни слова о гѐксаметрахъ Мерзлякова, который прежде всѣхъ въ наше время ввелъ эту мѣру“ (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1890. III, 168—170). Вигель въ своихъ Запискахъ рисуетъ портретъ Гнѣдича въ такихъ чертахъ: „Природа поставила Николая Ивановича Гнѣдича на той самой точкѣ, гдѣ кончается глупость и начинается умъ.... Лицо его, которому говорятъ, суждена была красота, изуродовано и изрыто было оспою, которая въ опустошительной ярости своей лишила его глаза. Муза его была

чопорна, опрятна, суха и холодна, какъ онъ самъ.... По пріѣздѣ его первый разъ въ Петербургъ, обстоятельства его, видно, были до того плохи, что онъ рѣшился на неслыханное средство, на исканіе покровительства и помощи у графа Хвостова. Въ посланіи къ нему, которое не было напечатано, старается онъ его разжалобить, находится, между прочимъ этотъ стихъ:

И дуренъ я, и кривъ, и денегъ не имѣю.

Счастіе ему помогло: онъ скоро нашелъ другаго покровителя, по умнѣе и по благороднѣе Хвостова, который успѣлъ доставить ему покойныхъ мѣста два съ хорошимъ содержаніемъ. Тогда подумалъ онъ приступить къ труду важному, долголѣтнему, который успѣшно онъ продолжалъ и счастливо кончилъ, къ переводу Иліады. Для поддержанія его въ семъ трудѣ испрошено ему было великое поощреніе, пенсіонъ въ полторы тысячи рублей отъ великой княгини Екатерины Павловны". (*Записка* III, 146).

„По величавости рѣчи и пріемовъ", писалъ графъ В. А. Соллогубъ, „Кокошкинъ напоминаетъ Н. И. Гнѣдича, который, кажется, и думалъ гекзаметрами и относился ко всему съ вершины Геликона". (Воспоминанія. Спб. 1887. стр. 5—6).

Л. 29. Изъ посланія (Н. И. Гнѣдича) къ И. А. Крылову, приглашавшему сочинителя поѣхать съ нимъ въ чужіе краи.

Надежды юноши, о сладкія мечты,
Я тщетно васъ въ младой груди лелѣялъ!
Вы не сбылись! Какъ лѣтніе цвѣты
Осенній вѣтеръ васъ разсѣялъ!

Свершенъ предѣлъ моихъ цвѣтущихъ лѣтъ;
Нѣтъ болѣе очарованій!
Гляжу на тотъ же свѣтъ:
Душа моя безъ чувствъ и сердце безъ желаній!—

Кудажь, о другъ летѣть, и гдѣ опять найти
Что годы съ юностью у сердца похищаютъ?
Желанья пылкія, крылатыя мечты
Съ весною дней умчась—назадъ не прилетаютъ.—

Другъ, ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.

. . . .

Н. Гнѣдичь.

Москва
Іюля 30
1831.

Л. 74. Письмо Николая Ивановича Гнѣдича. Москва. 30 Іюня 1831.

Милостивый государь Николай Дмитріевичъ.

Мнѣ равно было пріятно пріобрѣсть знакомство ваше, литератора и человѣка, достойно уважаемаго. Жалѣю, что время не позволило далѣе пользоваться обществомъ вашимъ. Воды, скучныя при употребленіи ихъ необходимости, и самое здоровье мое, не въ лучшемъ состояніи остающееся, такъ же, къ сожалѣнію моему, мало дали мнѣ времени, чтобы короче познакомиться съ *Отечественною Галлереею* вашею. Не смотря на это не могу не изъявить вамъ душевной благодарности за пріятные часы въ ней проведенные; поспѣшу вполнѣ насладиться при изданіи оной въ свѣтъ. Вдохновенная любовь ваша къ Отечественному безъ сомнѣнія одушевитъ художниковъ Русскихъ. Изданіемъ сей книги вы принесете на алтарь Музъ отечественныхъ дань, достойную питомца, съ юности имъ любезнаго.—Не имѣя съ собою перевода *Иліады*, а наизусть никогда ничего не помня, вписываю въ альбомъ вашъ то, что мнѣ на этотъ разъ доставляетъ бѣдная память; чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Н. Гнѣдичь.

Л. 33. Стихотвореніе В. Степанова. Бабочка.

Л. 36. Письмо Монферана.

Montferrand présente ses civilités a Monsieur de Pissaref et le remercie beaucoup pour son offre obligeante en le prinat de vouloir bien remettre à la semaine prochaine l'examen des gravures.

Montferrand aurait saisi avec empressement l'examen sans delai, mais des affaires de service le privent de ce plaisir en ce moment, il saisit cette occasion pour prier Monsieur Pissareff d'agréer l'assurance de ses três humbles respects.

Л. 38. Подорожная, выданная отъ Кременчуга до С.-Петербурга генералъ штабъ-квартирмистру Иванову отъ 25-го Января 1789 года.

Подорожную подписалъ: „Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей Государыни моей отъ Арміи Генералъ-Фельдмаршалъ, Главнокомандующій легкою Конницею Регулярною и Нерегулярною, Флотомъ Черноморскимъ и многими другими Сухопутными и Морскими Военными силами, государственной Военной Коллегіи Президентъ, Екатеринославскій и Таврическій Генералъ-Губернаторъ, Ея Величества Генералъ-Адьютантъ, Дѣйствительный Камергеръ, Войскъ Генералъ-Инспекторъ, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку Подполковникъ, корпуса Кавалергардовъ, Екатеринославскаго Кирасирскаго, Смоленскаго драгунскаго и Екатеринославскаго гренадерскаго полковъ Шефъ, Мастерской Оружейной Палаты Главный Начальникъ, и Орденовъ Россійскихъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго Св. Александра Невскаго, Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, Св. Равно-апостольнаго Князя Владиміра Большаго Креста, Королевскихъ: Прусскаго Чернаго Орла, Датскаго Слона, Шведскаго Серафима, Польскихъ: Бѣлаго Орла, Св. Станислава и Великокняжескаго Голстинскаго Св. Анны Кавалеръ Князь Потемкинъ Таврическій.“

Въ подорожной, между прочимъ, сказано, что она дана „за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ герба моего печати“.

По поводу находящейся на оборотѣ подписи: Петръ Лапухинъ, Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ замѣтилъ: „Въ этой подписи Петра Васильевича (впослѣдствіи Свѣтлѣйшаго Князя) доказывается настоящее произношеніе его фамильнаго имени, совсѣмъ разнаго отъ Лопухиныхъ“.

Граверъ Гавріилъ Ивановичъ Скородумовъ родился въ Петербургѣ 12-го Марта 1755 года; умеръ тамъ же 12 Іюля 1792 года. Ученикъ С.-Петербургской Академіи Художествъ. Въ 1773 году посланъ пансіонеромъ въ Лондонъ, гдѣ занялся гравированіемъ пунк-

тиромъ. По отзыву Д. А. Ровинскаго „пунктирныя гравюры Скородумова очень цѣнятся любителями; хорошіе отпечатки ихъ довольно рѣдки". (Подробный Словарь Русскихъ Гравированныхъ Портретовъ. Спб. 1889. II, 1644).

Л. 40. Аттестатъ, выданный С.-Петербургской Императорской Академіей трехъ знатнѣйшихъ художествъ художнику Гавріилу Ивановичу Скородумову. 17-го Мая 1773.

Аттестатъ подписанъ Иваномъ Ивановичемъ Бецкимъ.

Л. 41. Паспортъ, выданный граверу Гавріилу Ивановичу Скородумову французскимъ министромъ де Верженномъ.

De par le Roy

A tous gouverneurs et nos Lieutenants Generaux en nos Provinces et Armées, Gouverneurs particuliers et Commandants de nos villes, Places et Troupes et a tous autres nos Officiers, Justiciers et Sujets qu'il appartiendra, Salut. Nous voulons et vous mandons três expressément que vous ayiez à laisser librement passer le S. Scorodoomof, Graveur du Cabinet de notre três chère et três aimée soeur l'Impératrice de toutes les Russies, et la S. Son epouse allant de Paris à Petersbourg. . . . . sans leur donner ni souffrir qu'il leur soit donné aucun empêchement; le présent passeport valable pour deux mois seulement. Car tel est notre plaisir.

Donné à Versailles le 25 Aout 1782.

Louis.

Par le Roy.

De Vergennes.

Gratis.

Вильгельмъ Міерисъ—младшій, род. въ Лейденѣ, художникъ и граверъ, 1662—1747. (Примѣчаніе Н. Д. Чечулина).

Л. 43—45. Два рисунка на пергаментѣ Вильгельма Міериса. Объясненіе къ рисункамъ Міериса и Ходовіецкаго.

Portrait de Frederic le Grand au crayon de mine de plomb; dessiné d'après nature.

Morceau remarquable. Le peintre qui a joui de la faveur de tirer plus d'une fois le portrait de ce monarque, en conservait les esquisses primitives. Celle-ci fut donnée par lui à un de ses élèves qui le céda à feu M. Beketoff dont il est parvenu au propriétaire actuel.

Ne se trouve pas dans le porte feuille: il est dans mon album.

На оборотѣ этого листка написано:

2-oe Un voyageur à pied, menant un cheval sellé.

3-eme Un paysant (sic), qui veut forcer son cheval de passer une rivière à la nage.

Ces trois pièces à la plume sur des feuilles de velin, à l'instar des gravures sont traitées dans la manière soignée; on ne saurait assez admirer toutes (sic) les détails. Les gravures de Callot et de la Bella n'ont pas ce fini et cette nétété (sic) dans l'execution.

Lairesse

1640—1711.

La naissance de la S-te Vierge.

Ce dessin fait au crayon rouge prouve combien ce maitre tendait vers les beaux modèles que lui offrait l'Italie.

Mengs Raphael.

1728—1775.

Venus embrassant l'Amour et tenant la paume en signe de son triomphe. Jolie (sic) petit dessin, sur papier gris.

Ходовiецкiй, Chodowiecki, Daniel Nicolaus 1726—1801. (Примѣчанiе Н. Д. Чечулина).

Л. 46. Portrait de Frederic le Grand, fait d'aprés nature par Chodowiecky (Ходовiецкiй), de la collection de M. Beketoff.

Л. 47. Письмо Гаврiила Романовича Державина къ Ивану Ивановичу Дмитрiеву, 21-го Августа 1794.

Милостивый Государь мой
Иванъ Ивановичъ.

По письму вашему относительно хлопотъ здѣланныхъ землемеромъ Стариковымъ нынеже писалъ я и просилъ Г. перваго члѣна

Межевой Канцеляріи, чтобъ справедливость защищена была. Я увѣренъ что вы о неправдѣ не станете хлопотать. Впрочемъ

Съ истиннымъ почтеніемъ и непременною дружбою пребываю вашъ Милостивому Государю моему

Покорный Слуга
Гаврилъ Державинъ.

21-го Августа
1794 года.

Ал. Дм. Яхонтовъ скончался прежде еще Катерины Яковлевны недѣли двѣ.

Л. 49. Рисунокъ: Граница Грузинская 1782 года.

Михаилъ Матвѣевичъ Ивановъ, академикъ живописи, род. 1748 г., умеръ 16-го Августа 1823. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ въ 1779 году былъ взятъ въ штатъ князя Г. А. Потемкина письмоводителемъ. Сопровождая князя Потемкина, Ивановъ написалъ нѣсколько видовъ съ натуры въ Таврической области, портретъ Потемкина въ ростъ (1788). По смерти князя Таврическаго, Ивановъ поступилъ хранителемъ рисунковъ въ Императорскій Эрмитажъ, пользовался расположеніемъ императора Павла. (Русскій Біографическій Словарь. Спб. 1897, стр. 23—24).

Л. 50. Пачпортъ выданный Михаилу Иванову герцогомъ Дегильономъ 2 Іюня 1773 г.

De par le Roy

A tous gouverneurs et nos Lieutenans Genéraux en nos Provinces et Armées, Gouverneurs particuliers et Commandants de nos Villes, Places et Troupes et a tous autres nos officiers justiciers et sujets qu'il appartiendra Salut. Nous voulons et vous mandons três expressement que vous ayiez à laisser surement et librement passer le N-e Michel Jwanoff Peintre russe allant à Rome sans lui donner ni souffrir qu'il lui soit donné aucun empêchement; mais au contraire toute l'aide et assistance dont il aura besoin; le présent passeport valable pour deux mois seulement. Car tel est notre plaisir. Donné à Versailles le 2 Juin 1773. Louis.

Par le Roy.

Gratis Le duc d'Aigiullon.

Л. 51. Письмо Вольтера Гравезанду, привезенное въ Россію художникомъ Ивановымъ.

Une lettre de Voltaire.

à M. de S. Gravesend, phylosophe mathématicien ecrite dans sa jeunesse et à l'epoque des poursuites qu'il a essuiées (sic) de la part du Cardinal de Fleuri pour quelques ecrits contre la Religion et l'ordre politique et social établi.

Cette lettre fut apportée en Russie par feu M. Michel d'Ivanoff, èleve de l'académie des Beaux arts de S-t Petersbourg, lors de son voyage en Hollande, en France et en Jtalie l'année 1770. Voir les papièrs curieux de cet artiste—inspecteur general des dessins de l'Ermitage, recueil qui fait partie de ma collection de dessins.

Elle est originale et constatée par plus d'une confrontation. (Примѣчаніе Н. Д. Иванчина-Писарева).

A M-r de S. Gravesend.

Vous vous souvenez, Monsieur, de l'absurde calomnie qu'on fit courir dans le monde pendant mon séjour en Hollande. Vous savez si nos prétendues disputes sur le Spinosisme et sur des matières de Religion ont le moindre fondement. Vous avez été si indigné de ce mensonge que vous avez daigné le refuter publiquement. Mais la calomnie a penetré jusqu'à la cour de France et la refutation n'y est pas parvenue. Le mal a des ailes et le bien va a pas de tortue. Vous ne sauriez croire avec quelle noirceur on a écrit et parlé au Cardinal de Fleuri. Tout mon bien est en France et je suis dans la necessité de détruire une imposture que dans votre pays je me contenterais de mepriser à votre exemple.

Souffrez donc, mon aimable et respectable philosophe que je vous supplie três instamment de m'aider à faire connaitre la verité. Je n'ai point encore ecrit au Cardinal pour me justifier. C'est une posture trop humiliante, que celle d'un homme qui fait son apologue; mais c'est un beau rôle que celui de prendre en main la défense d'un homme innocent; ce rôle est digne de vous, et je vous le propose comme à un homme qui a un coeur digne de son esprit. Ecrivez au Cardinal: deux mots et votre nom feront beaucoup. Je vous en réponds. Il en croira un homme accoutume à demontrer la verité. Je vous en remercie et je me souviendrais toujours de celles que

vous m'avez enseignées. Je n'ai qu'un regret, c'est de n'en plus apprendre sous vous. Je vous lis au moins ne pouvant plus vous entendre. L'amour de la verité m'avait conduit à Leyde, l'amitié seule m'en a arraché. En quelque lieu que je sois, je conserverais pour vous le plus tendre attachement et la plus parfaite estime.

Voltaire.

Dignum Laude Virum Musa Vetat mori

Horace.

„Письмо Вольтера Гравезанду, привезенное въ Россію художникомъ Ивановымъ" (Примѣчаніе князя Павла Петровича Вяземскаго).

Гравезандъ (S. Gravesande), Guillaume—Jacques, ученый математикъ и физикъ (Примѣчаніе Н. Д. Чечулина).

Лл. 52—53. Два рисунка Вандика.

На л. 52 об. отмѣчано: Antoine Van Dick. Première pensée d'un tableau qui devait representer la pentecote.

Лл. 54—55. Три рисунка Брюлова.

На л. 54 об. отмѣчено: Dessiné par Charles Brullof devant Constantinople. Feuille détachée de son album de voyage.

Баронесса Юлія Крюднеръ, рожденная Фитинговъ, родилась 21 Ноября 1764 года, въ городѣ Ригѣ и была внучкой знаменитаго фельдмаршала Миниха. „Имя ея неразрывно связано съ воспоминаніемъ объ одной изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ Исторіи нашего Отечества. Въ то время какъ освободившаяся отъ Наполеоновскаго ига Европа привѣтствовала въ лицѣ Русскаго Монарха своего избавителя, Крюднеръ умѣла снискать довѣріе Александра и прославила себя участіемъ, которое принимала въ составленіи Священнаго Союза. Своимъ вліяніемъ на Государя она была обязана тому же религіозному мистицизму, главнымъ представителемъ котораго въ Петербургскихъ правительственныхъ сферахъ былъ въ ту пору князь А. Н. Голицынъ". Баронесса Крюднеръ скончалась въ Крыму 25 Декабря 1824 года и погребена въ Армянской церкви, въ Карасубазарѣ, а потомъ тѣло ея было перенесено въ право-

славную церковь, построенную княгиней Анною Сергѣевною Голицыною (рожд. Всеволожская) въ Кореисѣ. (Русскій Архивъ 1885 № 3, стр. 305—330).

Сопровождая Императора Александра I въ его заграничныхъ походахъ, А. С. Шишковъ встрѣтился въ Карлсруэ съ баронессой Крюднеръ и въ своихъ Запискахъ писалъ: „Часто бывалъ я у графини Витгенштейнъ и тутъ познакомился съ бароншею Криднеръ, извѣстною своими особенными о вѣрѣ и набожности умствованіями и дѣлами. При всемъ отвращеніи моемъ отъ всякаго рода ханжества, любопытствовалъ я подробнѣе освѣдомиться о Криднершѣ, и для того пошелъ къ ней. Въ разговорахъ ея со мною сперва показалась она мнѣ остроумною женщиною; но скоро примѣтилъ я, что она, возносясь иногда выше предѣловъ ума, терялась въ высокопарныхъ умствованіяхъ, и вмѣсто смиренномудрія, тщеславилась показать себя вдохновенною". (Записки. Берлинъ. 1870. I, 281).

Вигель въ своихъ *Запискахъ* пишетъ: „Слава какъ будто прискучила императору Александру I; онъ желалъ еще добра, но не искалъ за него возмездія межъ людей и почиталъ себя стражемъ, котораго Всевышній поставилъ для сохраненія *мира мірови*. На высотѣ счастія и успѣховъ внезапно овладѣло имъ уныніе.... Можетъ быть, онъ возненавидѣлъ бы родъ человѣческій; новое чувство, которое тогда наполнило его душу не допустило его до того... Онъ былъ расположенъ къ религіозной мечтательности и во время послѣднихъ странствованій его, къ сожалѣнію, встрѣтилъ онъ одну краснорѣчивую женщину, которая умѣла передать ему свое неохристіанское ученіе. Это была знаменитая баронесса Крюднеръ, вдова Русскаго посланника въ Берлинѣ, писательница, великая грѣшница, раскаявшаяся, какъ Магдалина и изъ свѣтской женщины обратившаяся въ площадную проповѣдницу. Въ городахъ и селахъ, на открытомъ воздухѣ, на распутіяхъ произносила она трогательныя рѣчи народу, и цѣлыя толпы его слѣдовали изъ мѣста въ мѣсто за новой пророчицей. Изъ многихъ владѣній была она изгоняема и, наконецъ въ Россіи нашла убѣжище и могилу". (Записки. V, 11).

Въ 1818 году, изъ Перекопа, Императоръ Александръ I писалъ къ маркизу Паулучи: „Я получилъ отъ генерала Вязмитинова цѣлый рядъ вашихъ донесеній по поводу прибытія г-жи Криднеръ.

Съ сожалѣніемъ вижу, что вы не вполнѣ поняли содержаніе разговора, который имѣли мы съ вами объ этомъ предметѣ въ Царскомъ Селѣ. Къ чему нарушать спокойствіе существъ, занимающихся только молитвами къ Предвѣчному и никому не дѣлающихъ зла?.. Чѣмъ больше въ такихъ случаяхъ розысковъ и надзору, тѣмъ прибавляется только важности для зѣвакъ..... За симъ оставьте г-жу Криднеръ и другихъ пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ; потому что какое вамъ до того дѣло, кто какъ молится Богу? Каждый отвѣчаетъ Ему въ томъ по своей совѣсти. Лучше, чтобы молилась какимъ бы то ни было образомъ, нежели вовсе не молилась. Тогда бы меньше было изступленныхъ въ родѣ Бока и стольких другихъ". (Русскій Архивъ 1886. № 5, стр. 117—118).

Л. 56. Отрывокъ изъ гимна баронессы Клюденеръ.

Рукою Н. Д. Иванчина-Писарева отмѣчено: Fragment autographe de l'Hymne composé par Madame Krudner qui, vers le commencement de ce Siècle, a exercé une influence si puissante sur le monde moral et politique.—Recu des mains propres de sa fille, madame la Baronne de Bergheim. 9 августа 1843 г.

Seigneur que votr eprofonde Miséricorde aiyt pitié aussides tombe aux. La poussière de la mort se dissipe et le vent qui souffle la disperse.

Mais vous qui avez dit je Suis la resurection et la vie aiié pitiè de cet Esprit qui peut devenir si profondement miserable et si immensement fortuné.

C' est lui qui se revêt ou de la Clarté Celeste, qui suivant un besoin celeste, est attirè près de vous, quand vous été l'Emeut (sic) qui dans la vie terrestre l'attirée (sic), ou qui revetu d'une lugubre enveloppe, souvent hideuse selon les passions qui l'agitaient, suit la pente qui l'entrainée, et craignant la Lumière se precipite lui méme dans les ténébres. Oh vous qui avez aimè Dieu qui avez obei à sa voix, avez été conduit par lui et son fils, ne craignez rien—votre ame ici bas fut exercée à l'humilité, à l'amour, à toutes les vertus du Ciel. Vous pouvez revivre La ou la pureté de coeur seule peut introduire. Vous marchez sous les puissants drapeaux de celui qui vous a conquis, vous portez sur votre front le Sceau de la redemption et vous êtes affranchi du jugement.

Mais vous, qui ne l'avez pas reconnu, vous qui n'avez pas voulu vous laisser guéder (sic) par lui, tremblez; Aussi Vrai qu'il Existe, aussi vrai qu'il a dit Personne n'arrivera au Père que par moi.

По увѣренію Н. Д. Иванчина-Писарева, дуетъ Мерзлякова, записанный въ альбомъ, „прославился въ лучшихъ обществахъ и въ народѣ". (Москвитянинъ 1842. № 3, стр. 147—148).

Л. 66. Записка Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова и его Дуетъ на голосъ извѣстной Малороссійской пѣсни: Ихавъ козакъ за Дунай.

Почтеннѣйшій Николай Дмитріевичъ!—Я свое дѣло уже давно кончилъ, именно такъ, какъ вамъ обѣщалъ.—Книги вашей у меня нѣтъ уже третій день: подписанную отдалъ ее въ Цензурный Комитетъ, откуда и можете ее получить сами, или чрезъ человѣка, давши ему записочку, что вы вѣрите ему расписаться въ книгѣ.—О стихотворцы! Летая въ царствѣ мечтаній, вы никакъ не можете приноровить себя къ земному порядку!—При семъ случаѣ благодаря васъ сердечно за удовольствіе, которое чувствовалъ я при чтеніи вашихъ стиховъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю пребывать вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

А. Мерзляковъ.

Л. 67. Дуетъ.

Первый голосъ.

Въ часъ разлуки пастушокъ,
Слезной взоръ склоня въ потокъ,
Говорилъ своей любезной:
Нѣтъ, тому не быть!—
Нѣтъ, не будешь ты моя!
Ты богата, бѣденъ я.
Будь щастлива, будь спокойна,
Пусть одинъ терплю!

Другой голосъ.

На любезнаго взглянувъ,
Страстно, сладостно вздохнувъ,
Такъ пастушка отвѣчала:
Нѣтъ, тому не быть!—

Нѣтъ, ты мой,—и на всегда!
Бѣдность, другъ мой, не бѣда;
Кто богатъ, какъ мы любовью,
Тотъ и всѣмъ богатъ!—

Первый голосъ.

Ахъ, безроденъ я и сиръ,
Домъ и дворъ мой—цѣлый міръ.
Что же добры люди скажутъ
О любви твоей?....

Второй голосъ.

Люди знаютъ лишь бранить,
А не знаютъ, какъ любить;
Мнѣ не нужны родъ и племя:
Нуженъ ты одинъ!

Первый голосъ.

Въ щастьи ты теперь живешь,
Горе ты со мной найдешь;
Тяжко плакать, но тяжелѣ,
Быть виною слезъ!

Другой голосъ.

Съ другомъ горесть мнѣ сладка,
Радость безъ него горька.
Мы смѣшаемъ наши слезы,
И бѣда пройдетъ!

Первый голосъ.

Я не зналъ, что василёкъ,
Что нарцисъ, что ноготокъ,
А любилъ уже для милой,
Собирать цвѣты!

Второй голосъ.

Я не знала нашихъ стадъ,
Сколько мой отецъ богатъ,
А тогда уже любила
Плесть тебѣ вѣнки.

Оба.

Для тебя мнѣ жизнь мила,

Красенъ день, цвѣтетъ земля,
Для тебя дано мнѣ сердце,
Вѣрное на вѣкъ!
Ахъ, почтожъ такъ рано намъ
Пріучать себя къ слезамъ
Сладко другъ мой, жить съ тобою
Сладко умереть.

P. S. За пріятнѣйшее удовольствіе, которое чувствовалъ я при чтеніи вашихъ сочиненій, плачу вамъ, по желанію вашему, ничто незначущею бездѣлкою.

Вашъ преданнѣйшій и покорнѣйшій

А. Мерзляковъ.

Извините, что вчера не могъ къ вамъ доставить.—Захлопотался.

Старшая сестра княгини Зинаиды Александровны Волконской, княжна Марія—Магдалина Александровна Бѣлосельская Бѣлозерская, вышла за мужъ за Камергера Александра Сергѣевича Власова, о которомъ смотри ниже.

Л. 69 об.—70. Три письма Маріи Александровны Власовой.

J'ai reçu avec bien du plaisir mon cher Monsieur Pissareff votre aimable lettre du 1 en réponse à la mienne. Nous sommes tous bien fachés de ce que vos traveaux, qu'il faut que vous surveillez, nous privent du plaisir de vous voir de ce que vous ne viendrez nous entendre chanter ma soeur et moi que le 19 seul. Une fois ici vous verrez que vous ne pourrez pas vous en aller avant quinze jours. Je réponds à ce que vous dites sur le compte de Barberi et quoique vos paroles sont très flatteuses pour nous deux, on y reconnait tout de suite l'aimable poète. Quand à notre chant Zénéide et moi nous tenons beaucoup à votre suffrage.—Vous êtes poète et musicien, vous êtes bon, sensible, le veritable ami de vos amis.—Et lorsqu'on chante bien surtout comme ma soeur, il est agréable qu'une personne aimable comme vous l'êtes et qui sait aussi bien juger que vous, pour la musique et la déclamation, puisse l'entendre souvent.—Elle a traduit très bien, selon l'avis de plusieurs personnes, les paroles russes—гдѣ царь en Italien, qu'elle a donné à Peruzzi parceque tous

les acteurs italiens doivent chanter demain au concert de Peruzzi la Cantate de ma soeur. Aujourd' hui ils ont une répétition et ils ont supplié ma soeur de venir les juger. C'est dommage que vous ne serez pas demain ici, cher et aimable auteur, ce concert sera três intéressant.—Au plaisir de vous voir—Conservez moi votre amitié et croyez à toute la sincérité de la mienne pour vous. Votre devouée M. Wlassoff.

Ma soeur vous remercie beaucoup pour votre souvenir et sera bien aise vous voir ici. Barberi est on ne peut plus sensible pour toutes les choses aimables que vous lui faites dire. Il vous paye amitié pour amitiés et ses grandes occupations l'empéchent encore aujourd' hui de vous écrire.

Moscou le 27 Avril 1826.

2.

Aimable Monsieur Pisareff, monsieur Barberi me prie de vous remercier de sa part mille et mille fois. Je ne répond pas dans ce moment à votre aimable lettre étant três occuppé.—Comme Maman doit venir ici pour le couronnement nous passerons en haut et c'est Monsieur Barbéri qui arrange notre appartement avec tant de gout d'èlégance que vous en serez enchanté quand vous le verrez achevè.—Ma soeur vous dit bien des choses aimables, elle ne vous écrit pas ayant les yeux fatigués et echauffés depuis quelque temps. Nous vous engageons toutes les deux elle et moi, cher et bon Monsieur Pissareff a' venir à Moscou pour jeudi en huit 6 May entendre chanter la cantate de ma soeur à l'assemblée par acteurs Italiens au concert de Peruzzi et le 19 du mois prochain (sauf les obstacles imprévus) vous entendrez si vous venez ici d'après notre demande chanter chez nous par ma soeur et d'autres amateurs le Requiem de Cherubini et la cantate de ma socur. Le 19 May sera l'anniversaire des 6 mois pour l'Empereur Alexandre et ma soeur desirerait chanter avec les autres amateurs ce jour là le Requiem et sa cantate. Dans le premier chantent: ma soeur, la Comtesse Adèle Svetchine, le C-te Ricci et Monsieur Barberi. Dans la cantate: ma soeur, La C-tesse Ricci alternativement avec sa cousine Lise Akouloff, qui a une si belle voix et si touchante. Son autre cousine M-elle Annette Akouloff M-elle Soltikoff et moi. En hommes c'est le C-te Ricci, M-r

Barbéri, les deux Pr-ces Metchersky, Messieurs Venevitinoff, le P-ce Adouevsky et M-rŜoltikoff. Ces deux musiques sont accompagnies par deux violoncello, deux alto, une contrebasse et deux corps de chasse.—Paini au piano. Vous nous procurerez, si vous le voulez, le plaisir de vous voir souvent et vous éprouverez celui d'entendre de la belle musique et vraiment pas mal exécutée quoique ce que je dis n'est pas três modeste; mais vous pourrez juger de la verité de mes paroles si vous (конца нѣтъ).

3.

Aimable auteur j'ai porté hier votre lettre et vos charmans vers à ma tante et j'ai été le témoin de sa joie en les lisant.—Il est vrai que toutes les deux inscriptions sont délicieuses, le génie de l'auteur, son esprit et son coeur y sont peints; mais à vous parler franchement, j'aime encore mieux la seconde inscription, elle parle encore plus à mon coeur que la première quoique j'apprécie aussi le merite des 4 premiers vers.—Il faut vous rendre justice, cher Monsieur Pissareff, dans ces 8 vers vous avez su dire de ma soeur tout ce qu'elle mérite, vous l'avez peinte en peintre excellent et auteur parfait. Je vous en remercie mille et mille fois.—Au plaisir de vous voir; toutes les fois que vous viendrez chez nous vous serez le três bien venu mais plus de spectacle chez nous jusqu'à Pâques à cause de la mort de M-r Apraxine qui nous est parent. Recevez l'assurance de l'amitié sincère que je vous ai voué pour la vie. M. Wlassoff.

Ce 9 Fevrier.—Mercredi.

Въ своихъ примѣчаніяхъ къ письмамъ Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву, Б. Л. Модзалевскій представилъ любопытный біографическій очеркъ Александра Сергѣевича Власова.

Власовъ происходилъ отъ знатнаго дворянскаго рода восходящаго къ началу XVII вѣка, и воспитывался въ домѣ родителей. Съ 1783 по 21 іюля 1806 годъ онъ служилъ въ Семеновскомъ полку. По увольненіи отъ службы, Власовъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Еще живя въ Петербургѣ Власовъ познакомился съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, на дочери котораго, княжнѣ Маріи Александровнѣ, Власовъ

и женился въ 1805 году. Получивъ за женою большія богатства, Власовъ переселился въ Москву и вполнѣ отдался своей страсти къ собиранію предметовъ искусствъ, при чемъ перекупалъ вещи, намѣченныя Высочайшими особами. Къ нему перешли почти цѣликомъ коллекціи графа А. Г. Головкина, Маслова, князя Д. М. Голицына, Хитрово и другихъ. На ряду съ предметами искусствъ, Власовъ былъ страстнымъ любителемъ книгъ, рукописей и рѣдкихъ книгъ. Часть собраній Власова была описана въ двухъ изданныхъ имъ въ Москвѣ каталогахъ. Послѣ смерти Власова, послѣдовавшей въ Москвѣ, 28 января 1825 года, всѣ собранія его были разыграны въ лоттерею въ 1826 году и проданы съ аукціона въ 1830 году. По смерти мужа, М. А. Власова уѣхала въ Римъ, къ своей сестрѣ—княгинѣ З. А. Волконской и, по примѣру ея, перешла въ католичество; она умерла въ Римѣ и погребена въ часовнѣ церкви св. Викентія и Аѳанасія на площади Треви. Небольшая часть собраній Власова перешла къ Иванчину-Писареву. (Письма Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву. Спб. 1902. Примѣч., стр. 30—32).

Иванчинъ-Писаревъ былъ сосѣдомъ Власова, такъ какъ Серпуховское имѣніе его село Старая Ситня находилась не далеко отъ села Рудинки.

Въ 1840 году Иванчинъ-Писаревъ помянулъ Власова въ письмѣ своемъ къ И. М. Снегиреву: „Вамъ понравился очеркъ причудливаго характера моего друга, Власова,—и такъ дополню объ немъ. При всей утонченности Европейской онъ былъ прямо Русскій баринъ. Въ день именинъ жены онъ, въ селѣ своемъ Ситнѣ, давалъ ежегодный пиръ съ обѣдомъ царскимъ, фейеркомъ и иллюминаціями и баломъ; что продолжалось нѣсколько дней. Кромѣ сотней Московскихъ гостей, три уѣзда, кто только былъ не въ армякѣ, могъ, хотя и однодворецъ, войти въ гостиную; всѣ плясали, какъ кто умѣлъ, всѣ ѣли dindes, truffes, бекасины, форели, котелеты à la Richelieu, дивныя стерледи и пр., пили, не зная что пьютъ: Бургонское Clos de Vougeau, Шампанское Аи, Венгерское Радзивиловское или Эстергази, Лакримо даль Кристи. Власовъ имѣлъ особый транспортъ винъ и доставляемый ему особенно на кораблѣ. У него никого не смѣли обнесть или дать худшаго вина: князья Юсуповъ и Голицынъ не могли спросить себѣ, чего бы не налили Панкрату Агаповичу Га-

ропицу; вотъ что нынѣ рѣдко, и что я называю барствомъ. На этомъ праздникѣ нѣсколько сороковыхъ бочекъ разливались пяти тысячамъ народа разныхъ селъ. Старый его дворецкій, съ трясущеюся головою, смѣшилъ насъ, являясь безпрестанно: Ваше Превосходительство! бранятся близко отсюда, и (на ухо) скверными словами.—„Э! братецъ, это Русская веселость; а у нашихъ княгинь и графинь ушки завѣшены золотомъ, да и не поймутъ". | Ваше превосходительство велѣли пустить ихъ по цвѣтникамъ: они опустошили сады, а ваши тюльпаны и даже мирты стоптаны; недѣли въ три не исправишь всего.—„Да развѣ ты не догадаешься, что они хотятъ смотрѣть на плошки и стаканчики и на господъ".—И это я называю барствомъ. Вотъ либерализмъ, который Бѣлинскій, Сенковскій и Краевскіе хотятъ замѣнить своимъ, Маратовскимъ, а дай имъ тысячу душъ—будутъ неприступные для народа. Является нѣмецъ—садовникъ и съ германскою важностью разсказываетъ, что въ большое померанцевое дерево бросаютъ палками. Тутъ онъ подымается и бѣжитъ осмотрѣть дерево. У него было сто два померанцевыхъ деревъ, но это покрывало насъ своими вѣтвями, когда мы обѣдали въ числѣ двадцати пяти человѣкъ. Подъ нимъ всякій годъ онъ распивалъ бутылку шампанскаго (то есть, отвѣдывалъ, ибо вина почти не пивалъ самъ) съ своимъ садовникомъ. Это дерево, тотчасъ послѣ его смерти, увезено, вмѣстѣ съ другими и съ прочимъ и прочимъ, на трехъ стахъ подводахъ, нашею Коринною, нынѣ цѣлующею туфель папы, знаменитою княгинею Зинаидою, сперва въ имѣніе мужа ея, а потомъ далѣе, для обращенія въ червонцы, ибо она родная сестра вдовы—хозяйки и теперь живетъ съ нею въ Римѣ.—Скажу нѣчто о старомъ дворецкомъ: онъ былъ вѣренъ такъ, что могъ бы обогатиться отъ связи съ Итальянцами, которые окружали Власова,—но онъ только открывалъ ихъ плутни. Однажды, при мнѣ, онъ получилъ тысячу пятсотъ рублей подарку отъ барина: Власовъ, по родству, звалъ къ себѣ въ деревню князя Дмитрія Владиміровича Голицына дни на три погостить, назначивъ мѣсяцъ и число. Князь былъ вѣренъ числу, но забылъ мѣсяцъ и не засталъ хозяина. Дворецкій умѣлъ по царски угостить князя. Власовъ былъ въ восторгѣ, назвалъ это угощеніе improvisé, поцѣловалъ стараго слугу и далъ ему тысячу пятсотъ

р. Князь Д. В. Голицынъ при мнѣ разсказывалъ Григорію Алексѣевичу Васильчикову, что такихъ рѣдкостей не видывалъ . . . . Дивился одному растенію огромному Magnolia grandiflora, которому подобное видѣлъ лишь въ Мальмезонѣ, гдѣ императрица Жозефина показывала его какъ за единственное въ старомъ свѣтѣ. Власовское доросло до того, что разломали надъ нимъ потолокъ оранжереи и сдѣлали башню. Цвѣтокъ его, колоколъ, величиною болѣе аршина, испускалъ благовоніе, заглушая духъ померанцевъ и миндальныхъ деревъ. Вотъ еще черта барства: ничто изъ всѣхъ его оранжерей не продавалось; онъ любилъ смотрѣть на деревья, осыпанныя плодами, а послѣ отдавалъ плоды кому угодно. Я упомянулъ о паркахъ: это былъ лѣсъ на четыре версты. Власовъ призвалъ Англичанъ, Нѣмцевъ, да болѣе пятисотъ Русскихъ, чтобы вырубить въ немъ все не живописное. Однажды заѣхалъ къ нему богатый мужикъ торгующій лѣсомъ. Мы обѣдали, но онъ позволилъ ему войти: Александръ Сергѣевичъ! продай мнѣ лѣсокъ.— „Да какой?“—Да вотъ, что ты расчищалъ.—Вы легко можете вообразить нашъ смѣхъ. Что же вышло?—послѣ его смерти, этотъ самый мужикъ купилъ на срубку этотъ паркъ!... Теперь все, какъ изящное, такъ и хозяйственное, разбрелось по рукамъ и знающихъ, и невѣждъ. Я хвалюсь тѣмъ, что у меня большая часть его эстамповъ, и самые лучшіе, да пять отличныхъ картинъ“. (Письмо Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву, стр. 27—30).

Л. 70 об. Два письма Власова.

1.

Москва. 3 Ноября 1822.

Поспѣшаю отвѣтствовать на письмо ваше, Милостивый Государь мой Николай Дмитріевичъ, полученное сего дня съ человѣкомъ вашимъ. Обстоятельства мои столь были мнѣ противны, что во все лѣто я трехъ недель сряду не прожилъ въ своей деревнѣ, а безпрестанно былъ въ разъѣздахъ. Вотъ даже и теперь живу въ Москвѣ за нужнымъ дѣломъ, и скучаю что не въ Тульской своей деревни нахожусь, гдѣ мое присудствіе очень нужно.—Таковыя непріятности лишили меня и навѣдываться объ васъ, а когда я былъ у гр. Алек. и хотѣлъ къ вамъ заѣхать въ Рудники мнѣ сказали, что вы въ Каширской вашей деревнѣ. Удовлетворяя просьбѣ вашей касательно

до Madona del Pez то это точно La vierge au seinaux, съ нея былъ гравированъ прежде очень хорошій естампъ, который имѣлъ покойный тесть мой князь Бѣлосельскій въ своей колекціи естамповъ, художникомъ Ferd. Selma. Но этотъ естампъ никогда не былъ въ продажѣ и въ одной Гишпаніи можно иногда было пріобрѣсть. Нынѣ во Франціи молодой граверъ Lignon гравировалъ оную Короля Гишпанскаго, которой естампъ вышелъ: Борелли имѣлъ два тисненія, оба безъ подписей, я будучи у него купилъ одинъ, то ежели онъ вамъ нуженъ попросите Борелли, чтобы онъ прислалъ. Цѣна оному 48 р. Чтожъ принадлежитъ до полученныхъ мною естамповъ то я точно до 25 штукъ получилъ, заслуживающихъ всякое къ нимъ вниманіе и уваженіе. Мнѣ очень жаль что прежде декабря вы ихъ не увидитѣ. Г. Масловъ ихъ видѣлъ; но простите старому и опытному охотнику сказать, что полученные мною естампы однимъ покажутся фанатикамъ естамповъ,—каковъ я, драгоцѣнными; ибо я вижу изъ писанія вашего, что вы Martin Schön по одной древности только уважаетѣ но ни мало имъ не прельщаетесь; а г. Масловъ еще менѣе васъ, но онъ и древность не уважаетъ, а любитъ что ему пріятно, и въ художествахъ начинающій охотникъ сперва начинаетъ то уважать что уважаемо нѣсколькими столѣтіями, и не смѣетъ критиковать первописанныя произведенія столь знаменитыя, безъ коихъ и славныя послѣ явившіеся естампы не были бы произведены.—Простите мнѣ что я можетъ не скромно свои мысли выразилъ?—Pour ce qui regarde M-r Нестеровъ c'est un três galant homme que j'estime infiniment. Il serait à desirer qu'il puisse conserver sa place pour les années futures. Je me croirai donc heureux si de mon coté je pourrai contribuer à cela de quelque manière que cela vienne—renseignements sur sa vie—pour continuer je me bornerai par vous assurer de ma consideration la plus distinguée. Votre três devoué serviteur Wlassoff.

2.

Москва. 24 Апрѣля 1823.

Пріятное письмо ваше, милостивый Государь мой Николай Дмитріевичъ, и при ономъ слѣдуемые мнѣ за естампы ас. сто пятдесятъ рублей получилъ. Благодарю васъ за все оное, равно и за поздравленіе меня съ наступившимъ праздникомъ, съ чѣмъ и васъ

равномѣрно имѣю честь поздравить и желаю оной провести весело и съ исполненіемъ всѣхъ вашихъ желаній.

Съ моей стороны я равномѣрно сожалѣлъ, что по возвращеніи моемъ изъ Петербурга я васъ здѣсь не нашелъ. Пріобрѣтеніевъ въ естампахъ въ Петербургѣ я никакихъ не дѣлалъ. Такъ скудость превеликая. Но я получилъ еще одно тисненіе обрученія Богородицы Longhi безъ подписи и не знаю которой беретъ поверхность, прежде ко мнѣ присланной отъ моей своячинѣ или послѣдней, которое мнѣ стоитъ на ас. 950 ф. Я думалъ что какъ съ охотника горячего дороже взяли, но по пріѣздѣ удостовѣрился, что Борелли получилъ записку нѣкоторымъ продажнымъ эстампамъ и въ томъ числѣ сія Богородица назначенная 1275 франковъ. Г. Масловъ Ник. Сем. далъ повелѣніе по сей цѣнѣ ее купить. Я очень любопытенъ видѣть и сравнить съ моими тисненіями когда его привезутъ. Въ замѣнъ не пріобрѣтенныхъ естамповъ, я получилъ нѣсколько хорошихъ изданіевъ книгъ, нѣсколько древнихъ рѣзныхъ каменей и двѣ очаровательныя картины одна находящаясь лѣтъ 15 въ Петербургѣ извѣстная своей необыкновенной красотою и вѣрностью художника, изображаетъ Іоанна Евангелиста твореніе Carlo Dolce. Она принадлежала нѣкогда тому кабинету въ коемъ находился знаменитый мой Орестъ*). Святой Евангелистъ представленъ à mi-corps, возведя свою голову къ небу и какъ будто вдохновенъ святостію изображенной на Его лицѣ. Въ одной рукѣ держитъ Евангеліе и перо, а другая отверстая, изъявляющая умиленіе. Въ сторонѣ видѣнъ изображенный орелъ. Другая картина совершенно очаровательная; я ее получилъ изъ Флоренціи два года она обѣщана но столько затрудненій для выпуску имѣла что я отчаялся ее и получить. Она представляетъ Богоматерь возлѣ спящаго младенца и возлѣ ея маленькій Іоаннъ Креститель. Въ дали окошко въ коемъ виденъ ландшафтъ. Tableau de chambre du divin Raphael. Все, что я могу вамъ сказать о красотѣ и достоинствѣ сей драгоцѣнной картины недостаточно будетъ. Надобно ее видѣть и тогда удостовѣритесь въ ея красотѣ и достоинствахъ. Лучшаго времени Madonna de Foligno et Madonna della Sedia она писана до Este послѣдняго времени Раѳаэля, гдѣ

*) Слѣдовательно изъ кабинета герц. Орлеанскаго (примѣчаніе Н. Д. Иванчина-Писарева).

онъ соединилъ всѣ совершенства въ себѣ живописи. Ета не оспоримо первая моя картина и нѣтъ человѣка, который бы ея не находилъ чудесною. Сверхъ сего сохраненіе чудесное. Дерево такъ старо и изъѣдино червями что обращается въ песокъ какъ его тронешь.—Жаль, сердечно жаль, что вы это совершенство искусства не увидите скоро; но я зная вашу страсть къ произведеніямъ безсмертнымъ, Рафаэля, то характеръ лица Богородицы васъ конечно восхититъ.

Поздравляю васъ съ новыми пріобрѣтенными эстампами, а еще болѣе съ продолженіемъ охотничьяго стремленія къ умноженію вашего уже значительнаго собранія. Къ несчастью я многихъ знаю охотниковъ, которые сначала очень охотно збираютъ собраніи, а потомъ охоладѣваютъ и доказательствомъ таковые служатъ, что искры никогда настоящей къ художествамъ и къ изящнымъ вещамъ не имѣли, а собирали отъ скуки или отъ какихъ нибудь другихъ подобныхъ причинъ, и вы яко настоящій любитель съ пріумноженіемъ еще болѣе содѣловаетесь охотникомъ, что въ нынѣшнее время очень рѣдко и съ чѣмъ паки я васъ поздравляю.

Коллекціи Головкина находились по сихъ поръ за печатью, и ни какихъ изъ ея вещей не выходило, даже и раздѣла имѣнія и распоряженіевъ какія будутъ неизвѣстны отъ наслѣдниковъ по оному.

Изъ письма вашего усмотрю, что вамъ нуженъ можетъ быть Catalogue de Schmidt, то дабы вамъ имъ поспѣшнее воспользоваться, то я разсудилъ съ симъ вашимъ посланнымъ доставить, прося васъ когда уже не будетъ вамъ нуженъ возвратить мнѣ въ Ситню или въ Москву какъ вамъ удобнѣе. Что же принадлежитъ до портрета August III par Balechou, то мое тиснеціе хотя и второе, но первому весьма мало уступаетъ. И желая во всякомъ случаѣ вамъ сдѣлать пріятное, за 400 р. вамъ уступаю на ас. Вы уже такой красоты и по этой цѣнѣ ни у кого не купите. Извольте меня увѣдомить какъ мнѣ его вамъ доставить, а между тѣмъ примите увѣреніе и пр. А. Власовъ.

Платонъ Петровичъ Бекетовъ былъ двоюроднымъ братомъ Ивана Ивановича Дмитріева. Родился 11 Ноября 1761 года, скончался 6-го Января 1836 года. Онъ жилъ и умеръ на дачѣ своей

подъ Симоновымъ. „Съ потери брата я что то разстроился и упалъ духомъ“, писалъ И. И. Дмитріевъ къ князю П. А. Вяземскому „жаль, что покойникъ не отказалъ, какъ водится, бумагъ сыну своему, или по крайней мѣрѣ хотя мнѣ для передачи другимъ по моему выбору. Теперь они въ рукахъ сына, Ипполита Бекетова, не того, котораго вы знаете, а другого. Платонъ Петровичъ Бекетовъ передалъ ему права своего наслѣдства, состоящаго въ ветхомъ домѣ, въ Русской библіотекѣ, въ уцѣлевшемъ портфелѣ съ любимыми эстампами, въ десяткѣ или побольше заимодавцевъ и въ кучѣ рукописей“. (Старина и Новизна. 1898. II, 184, 219—220).

По свидѣтельству Иванчина-Писарева П. П. Бекетовъ разорился отъ выдаваемыхъ имъ пособій (Извѣстія Отд. Русск. Языка и Словесности 1901. т. VI, кн. 4-я, стр. 255).

Л. 71. Письмо Платона Петровича Бекетова. 2-го февраля 1825.

Милостивый Государь
Николай Дмитріевичь!

Мнѣ конечно пріятно знать что вещи которыя собиралъ я съ трудомъ переходятъ въ руки человѣка знающаго имъ цѣну и съ величайшимъ удовольстіемъ согласился бы на предлагаемый вами обмѣнъ, но Моргенова Эстампа Les Saisons у меня болѣе нѣтъ. Его взялъ не знаю для кого Гаврила; другой же при семъ посылаю. Искренно скажу что мнѣ бы гораздо пріятнѣе было имѣть дѣло прямо съ вами, потому что въ поступкахъ этихъ господъ бракантеровъ, есть всегда, какъ говорятъ французы, quelque chose de louche.—Если вамъ, милостивый государь, вздумается и впередъ взглянуть на какой изъ моихъ эстамповъ, то покорнѣйше прошу васъ означить № по каталогу, что облегчитъ мнѣ въ пріисканіи онаго.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Платонъ Бекетовъ.

Дочь графа Владиміра Григорьевича Орлова, графиня Софія Владиміровна была супругою графа Никиты Петровича Панина. „Сынъ самаго постояннаго соперника и недоброжелателя князя Орлова, писалъ графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ, влюбился въ 15-ти лѣт-

нюю, рѣзвую и красивую графиню Софью Владиміровну. 10-го Марта 1789 г. графъ В. Г. Орловъ писалъ своему брату, графу А. Г. Орлову: „Вотъ тебѣ сударикъ Алеханъ наиприятнѣйшее извѣстіе для всей моей семьи, слѣдовательно и для тебя. Дня съ три графъ Петръ Ивановичъ Панинъ поручилъ спросить меня, хочу ли имѣть сына его въ моемъ семействѣ? Что онъ сего отмѣнно желаетъ..... Рѣчь шла о меньшей дочери Софьѣ. Тебѣ извѣстно, что сынъ его, графъ Никита Петровичъ, уже три мѣсяца тому, что ѣздитъ въ домъ ко мнѣ, полюбилъ ее съ самаго начала... О дочери моей нечего мнѣ тебѣ говорить. А сколько сей молодой человѣкъ по сіе уже время отъ всѣхъ заслужилъ похвалу, о томъ также ты слышалъ; скажу тебѣ откровенно что я его ни на какого въ свѣтѣ жениха не промѣняю... Узнавъ графъ Петръ Ивановичъ согласіе мое на сей случай, пролилъ тьму сердечныхъ слезъ, и я ему сотовариществовалъ". (Біографическій Очеркъ графа В. Г. Орлова. Спб. MDCCCLXXVIII. II, 100—103).

Въ своей Отечественной Галереѣ Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ напечаталъ біографическій Очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова, скончавшагося въ Москвѣ 28-го февраля 1831 года.

Въ этомъ очеркѣ мы между прочимъ читаемъ: „Наконецъ мы простились едва ли не съ послѣднимъ вельможею Екатерины.— Вѣкъ Екатерины—сколько мыслей и чувствованій сіи два слова пробуждаютъ въ сердцѣ Россіянина! Сей вѣкъ, богатый славными событіями и на поляхъ брани, и въ совѣтахъ мудрой политики, и въ дѣлахъ внутренняго устройства, образовалъ у насъ многихъ знаменитыхъ полководцевъ и людей государственныхъ...."

Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ былъ лично извѣстенъ графу Орлову. Въ томъ же Очеркѣ Иванчинъ-Писаревъ пишетъ: „Я часто имѣлъ случай видѣться съ нимъ уже въ лѣтахъ его маститой старости, и наслаждаться его бесѣдою. Гдѣ бы не находилъ его: въ ученомъ ли кабинетѣ, гдѣ онъ удивлялъ меня своимъ вниманіемъ къ новѣйшимъ произведеніямъ Отечественной, или вообще Европейской Словесности, вниманіемъ столь рѣдкимъ въ людяхъ инаго времени; въ кругу ли почтеннаго своего семейства, гдѣ собственнымъ примѣромъ разливалъ онъ веселость, и плѣнялъ знакомцевъ искренностію и радушіемъ, среди ли блаженствующихъ поселянъ Отрады, съ кото-

рыми по нѣскольку часовъ бесѣдовалъ онъ во время утреннихъ своихъ прогулокъ,—я вездѣ заставалъ въ немъ ту ясность души, которая знаменуетъ чистую нравственность, основательный умъ и доброе сердце.—Съ особеннымъ прилежаніемъ онъ наблюдалъ ходъ новѣйшей литературы; съ большимъ удовольствіемъ получалъ изъ Эдинбурга отъ внука своего Владиміра Петровича Давыдова извѣстія о Вальтеръ-Скоттѣ. При послѣднемъ нашемъ свиданіи я засталъ его сличающаго Исторію Карамзина съ источниками. Увидѣвъ меня, онъ заговорилъ о Карамзинѣ, и умѣлъ сказать столько новаго о достоинствахъ сего великаго писателя, что мнѣ оставались лишь слушать, и удивляться... Пріятельская связь его съ старѣйшиною нашего Парнасса, Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, по самую смерть имъ сохраненная, также показывала въ немъ истиннаго друга просвѣщенія.... Я часто встрѣчалъ его въ густыхъ аллеяхъ Отрады, выходящаго изъ удиненной храмины, гдѣ, вмѣстѣ съ земною славою, почили милые сердцу его, и гдѣ уже давно избралъ онъ мѣсто и для своего праха". Свои поминки по графѣ Орловѣ, Иванчинъ-Писаревъ заключаетъ такъ: „Почтенный старецъ! Я невидалъ тебя, въ торжественный часъ добродѣтельнаго,—и одною изъ моихъ печальныхъ мыслей будетъ та, что болѣзнь воспретила мнѣ поклониться твоему отшествію въ вѣчность; одною изъ самыхъ сладостныхъ, что я удостоенъ былъ твоего благосклоннаго вниманія!" (Отечеств. Галлерія. М. 1832. I, 176—185).

Графъ Владиміръ Петровичъ Орловъ-Давыдовъ почтилъ память своего дѣда прекрасною книгою, которою обогатилась наша литература: Біографическій Очеркъ Графа Владиміра Григорьевича Орлова. Составленъ внукомъ его, графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, С.-Петербургъ. MDCCCLXXVIII. Въ двухъ томахъ.

Л. 74. Письмо графини Софіи Владиміровны Паниной. Москва. 22-го Марта 1831.

Милостивый Государь мой
Николай Дмитріевичъ.

Въ первыя минуты постигнувшей меня потери не могла я выполнить пріятнѣйшую для меня обязанность изъявленіемъ вамъ, милостивый государь мой, искренней моей благодарности за тѣ почтительныя чувства къ покойному Родителю моему, кои вы столь

прекрасно изъяснили въ краткомъ обозрѣніи его жизни. Если что нибудь можетъ услаждать сію ужасную для насъ потерю, то это, безъ сомнѣнія то лестное для семейства его удостовѣреніе, что и внѣ его находятся сердца знающіе цѣнить и умъ и душу искренне нами оплакиваемаго. Вы, которые первые возимѣли утѣшительную для насъ мысль почтить память его воспоминаніемъ о его добродѣтеляхъ предобрѣтаете чрезъ то, милостивый государь мой, самое основательнѣйшее право на чувствительнѣйшую и неизгладимую нашу признательность, въ чемъ и поспѣшаетъ удостовѣрить васъ, пребывающая съ душевнымъ къ вамъ уваженіемъ

Покорная къ услугамъ
Г. Софья Панина.

Л. 75. Письмо Михаила Николаевича Загоскина.

Милостивый Государь
Николай Дмитріевичъ.

Благодарю васъ отъ всей души, за вашъ, чрезвычайно для меня пріятный подарокъ; я увѣренъ что прочту вашу Отечественную Галлерею съ величайшимъ удовольствіемъ точно такъ же какъ я прочелъ сей часъ ваши замѣчанія на гнусный пасквиль Чедаева, эту безумную попытку забросать грязью все, что ни есть святого для Русскихъ. Не гнѣвайтесь на меня, что я не пріѣхалъ самъ лично поблагодарить васъ. Трудно повѣрить до какой степени все время мое погибаетъ отъ этихъ мѣлочныхъ театральныхъ занятій!—Прощайте! Возвращаю вамъ съ благодарностію вашу прекрасную статью о старинной Русской поэзіи. Я очень буду радъ если вы ее пустите въ наше публичное собраніе.

Примите увѣреніе въ искренней преданности и совершенномъ уваженіи вашего покорнѣйшаго слуги

М. Загоскинъ.

Вторникъ

Барбери „составитель мозаики на переплетѣ Альбома" Н. Д. Иванчина-Писарева. (Примѣчаніе князя Павла Петровича Вяземскаго).

Л. 78. Письмо составителя мозаики на портретѣ Альбома. Москва 30 Мая 1825.

Monsieur, l'espoir qu'on m'a donné que j'aurais le bonheur de vous revoir d'un jour à l'autre, me fait toujours remettre la réponse que je dois à votre aimable et jolie lettre du 17 Avril; elle m'a été remise après votre retour de S-t Petersbourg. Permettez moi de vous remercier de tout ce que vous voulez bien me dire d'aimable dans la charmante traduction du Triomphe de l'amour; en disant charmante je répète les mots de Madame la Princesse Zénëide et du Prince Viasimsky qui l'ont lue avec beaucoup d'intérêt. Vous avez écrit avec la grace qui est familière à votre plume, je crois que vous vous êtes même surpassé, et la raison en est facile à concevoir: la crainte de facher il garzon crudo, pour qu'il ne diriqe pas ses traits contre vous; c'est à cette crainte que je dois certainement tout le bien qu'on a dit de ma table ainsi que votre oblegeant article. Je me suis permis d'y corriger une erreur de chiffre en changeant le № 40 en № 6. Ce dernier nombre étant celui des personnes qui ont travaillé pendant trois ans à ma mosaique. Madame la Princesse a ajouté une seule petite phrase à l'article de Diane et me charge de vous en faire ses excuses. J'ai deposé chez vous, Monsieur, un autre exemplaire pour remplacer la gravure dont vous vous êtes privé. Bravo, Bravo, je vous fais mon compliment pour l'acquisition que vous venez de faire d'Adam et d' Eve par Marc Antoine.

Les affaires Wlassoff ont décidé Madame la Princesse de faire le voyage de S-t Petersbourg. S. E. a obtenu la nomination d'une commission qui dirigera les affaires ayant des pouvoirs très étendus et la permission de faire une lotterie de tous les objets meubles. Ce voyage a fait du bien aux affaires en général et a fait certainement paraliser les projets des méchants et mal-intentionés; hier une de ces personnes me fesait des projets magnifiques pour la lotterie Wlassoff, et moi tout en l'écoutant je me suis dit, tu n'es même pas digne de ce vers que Dante applique aux manvais auteurs— Non ti curar di lon ma guarda e passa—et me suis rappelè le poète de Mantoue—Timeo Danao dona ferentes. J'ai vu à Petersbourg plusieurs de vos collégues qui m'ont beaucoup intéressé, entre

autre le pauvre M-r Kozloff, pauvre de santé, mais riche en connaissances et en idées poétiques, dans les quelles un sentiment profond est mêlé à une douce mélancolie: jugez, Monsieur que le récit de son histoire m'a poussé al mio cattivo versegiare et peut étre un jour je vous montrerai cette page de poëme en vous disant—ajutami Signore non la conosco—essa mi fa tremor le vene e i poesia.

Je vous devais une reparation au retard que j'ai mis pour repondre à votre lettre, mais jamais un bavardage aussi long: voici mon excuse: quand on écrit a des personnes d'esprit telles que vous, Monsieur, on laisse courir sa plume et on ne l'arrêterait pas si la peur d'ennuyer n'imposait silence.

Madame la Princesse et Madame Wlassoff ont agrée avec reconnaissance les marques d'intérèt que vous leur témoignez, et m'ont chargé de vous dire mille choses aimables.—Je vous prie de croire à la veritable estime qu'a pour vous Monsieur Votre devoué serviteur.

Barberi

Moscou ce 30 Mai. 1825.

Баронъ Генрихъ Васильевичъ Жомини былъ призванъ въ Русскую службу съ званіемъ генералъ-адъютанта. Скончался въ Парижѣ, въ Мартѣ 1869 года на 91-мъ году жизни. 6-го Августа 1813 года, изъ Праги, А. С. Шишковъ писалъ: „Перешелъ изъ французской арміи извѣстный генералъ ихъ и писатель Жоменвиль, который, кажется, поступилъ въ нашу службу". (Записки, Мнѣнія и Переписка Адмирала А. С. Шишкова. Берлинъ 1870. I, 346).

Въ Русской литературѣ это имя сохранилъ извѣстный стихъ Д. В. Давыдова:

....И гусары въ модномъ свѣтѣ,
Въ вицъ-мундирахъ, въ башмакахъ
Вальсируютъ на паркетѣ!
Говорятъ умнѣй они....
Но что слышимъ отъ любово?
Жомини, да Жомини!
А объ водкѣ ни полслова.

(Сочиненія Д. В. Давыдова. М. 1860. III, 24).

Л. 80. Письмо Жомини. Парижъ.

Monsieur

Voici le billet d'introduction au musée de Bossange. Je serais charmé que le voisinage me procurat plus souvent le plaisir d'être avec vous.

Votre devoué Serviteur

General Jomini

На оборотѣ написано:

A Monsieur Monsieur De Campe Rue d'Enfer № 9. Paris.

Дочь князя Ивана Дмитріевича и княгини Екатерины Александровны Трубецкихъ, княжна Аграфена Ивановна Трубецкая, о которой Погодинъ „съ признательностью" вспоминалъ, что „эта прекрасная особа принесла ему много добра и имѣла большое вліяніе на всю его жизнь". Впослѣдствіи она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата Александра Павловича Мансурова. (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1888. I, 57).

Л. 84. Музыка соч. княжны Аграфены Ивановны Трубецкой.

На романсъ Н. Д. Иванчина-Писарева: Сердце, сердце, ты страдаешь.

